

18+

Не верь глазам своим

Лина Леони

**MON
STR
UM**

18+

Лина Леони

MoNSTRUM. Не верь глазам своим

«Издательские решения»

Леони Л.

MoNSTRUM. Не верь глазам своим / Л. Леони — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518818-2

Ник Кауфман — врач с безупречной репутацией, любящий муж и заботливый отец. Казалось бы, он контролирует течение своей жизни. Но внезапно на него начинают обрушиваться неприятности: жена-инвалид что-то от него скрывает, пациентка обвинила во врачебной халатности, а дочь подралась с одноклассником. В добавок ко всему пропадает физиотерапевт его жены Анна Лева. И у полиции возникают вопросы к доктору Кауфману, в ответ на которые ему приходится лгать. Но ложь порождает новые вопросы и вскрывает тайны, о которых Ник Кауфман предпочел бы не знать.

ISBN 978-5-00-518818-2

© Леони Л.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
2012	6
Глава I	7
2012	7
Глава 2	10
2004	10
Глава 3	12
2012	12
Глава 4	17
2004	17
Глава 5	20
2012	20
Глава 6	23
2004	23
Глава 7	26
2012	26
Глава 8	31
2005	31
Глава 9	38
2012	38
Глава 10	42
2005	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

MoNSTRUM

Не верь глазам своим

Лиана Леони

*Моим родителям
Всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево
приносит и плоды худые.*

Мф. 7:17

Редакторы Кычакова Анна, Касаткина Елена
Корректоры Кычакова Анна, Лосева Вера
Дизайн обложки Маркин Игорь, Ткаченко Василина
Фото на обложку Ткаченко Василина

© Лиана Леони, 2020

ISBN 978-5-0051-8818-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

2012

Поплавок мерно покачивался на темных волнах, равномерно орошаемых мелким дождем. Рыбак сильнее натянул капюшон на голову и потер сонные глаза тыльной стороной ладони. Ему было за 70, и сколько он себя помнил, он рыбачил в любую погоду. Еще пацаном бегал к озеру, искал рыбные места. Поэтому точно знал, что в такую рань рыбачить лучше у берега. Но тот человек в серой рыбацкой куртке, только что приставший к берегу, явно этого не знал. И в пять утра уже привязывал лодку к причалу, который находился на другой стороне пятидесятиметровой заводи.

Глаза у рыбака были уже не так остры – он, конечно, не разглядел того, с кем поздоровался. Ведь если этот человек тоже рыбак, то они точно знакомы. Городок-то маленький, все друг друга знают.

– У берега рыбачь! – крикнул он ему.

Мужчина оглянулся на старика, махнул ему в ответ и, засунув руки в карманы, поспешил скрыться за деревьями.

Как бы слеп старик ни был, но он всегда разглядит, какие снасти в руках у рыбака: и марку, и год выпуска. Но этот человек был совсем без снастей.

Глава I

2012

Рука Ника дрогнула. Бутылка звякнула о стакан, выскользнула из рук и упала на старый, затертый, голубой коврик, который заглушил удар. Мужчина быстро подхватил бутылку с пола и замер, прислушиваясь к ночным звукам. Где-то вдалеке слышался вой сирены; деревья за окном мерно шумели на ветру. Но дом был тих. Значит, никто не проснулся. «Хорошо, что бутылка не разбилась», – подумал он и аккуратно вытер ладонью расплескавшийся по столу виски. Приятно журча янтарной жидкостью, Ник наполнил стакан наполовину, потом сделал небольшой глоток и налил виски почти до самого края.

Сев на край ванной, он опустил глаза на ковер – между его ступней на голубом ковре темнело пятно разлитого виски. Недолго сомневаясь, он поставил ногу на пятно и сильно нажал на него, как будто давил насекомое. Через мгновение Ник почувствовал, как прохладная жидкость впиталась в носок.

В воздухе витал аромат алкоголя. Ник широко распахнул окно ванной, в которой он прятал виски от Риты, сиделки его жены. Если Рита находила бутылку, то обязательно угощалась, и не раз. Бывало, что Ник приходил домой, а Рита встречала его уже хорошо под градусом. Поэтому лучшим способом уберечь любимый напиток было спрятать его в ванной на втором этаже, куда Рита с Вероникой никогда не поднимались.

Ванная комната наполнилась прохладным ночным воздухом, пропитанным ароматом леса, окружающего их дом. Ник постоял, подышал этим терпким ароматом, смешанным с еще более дорогим его сердцу и носу запахом хорошего виски. Он полюбил его пить еще когда был студентом медицинского института. Правда, в те времена виски, который он мог себе позволить, был не так хорош. Он перепробовал все дешевые марки и временами ублажал свои вкусовые рецепторы отличным коллекционным виски в кабинете отца. Как и Рита, он воровал напиток, но никогда не напивался на «месте преступления». На тот момент его отец был главным дантистом центрального округа. К нему выстраивалась вереница состоятельных и статусных пациентов, которые иногда одаривали отца разнообразными бутылками. У него скопилась целая коллекция.

На свое девятнадцатилетие Ник в порыве азарта утащил у отца двенадцатилетний Dalmore. Эту бутылку Адлер хранил и планировал открыть, когда у Ника родится его первенец. Но олень с размашистыми рогами, изображенный на бутылке, давно манил Ника Кауфмана, который в те времена не был эстетом и благодарным сыном. Они с друзьями просто опустошили бутылку, не оценив аромат апельсина и послевкусие ванили. Когда пары алкоголя выветрились, Ник разбавил чай водой, наполнил бутылку и поставил подделку обратно на полку. Его отец до конца жизни стирал пыль с подкрашенной воды, потому что Лиза Кауфман родилась после его смерти.

Ник медленно приоткрыл дверь ванной, высунул голову в коридор, огляделся по сторонам, прислушался – в доме стояла тишина. Он засунул бутылку под мышку и пошел в сторону гостевой комнаты, совмещенной с его кабинетом и библиотекой одновременно. Теперь он спал тут, в окружении пыльных книг, оставшихся еще со времен его учебы, и запасных одеял с подушками, которые не помещались в шкаф. Ему пришлось переехать из своей спальни из-за состояния его жены.

Вероника была мрачна и подавлена большую часть времени. Сначала она просто отказывалась с ним общаться, потом с ней стало тяжело находиться в одной комнате даже ночами.

Она стонала и неуклюже ворочалась в постели. Ее громкое, сбивчивое дыхание было слышно на протяжении всей ночи. В итоге это привело к тому, что ночью Ник не мог сомкнуть глаз. Он лежал, смотрел в потолок и считал по секундам длину вдохов и выдохов. Но Ник несколько не винил жену за эти неудобства – сложно быть веселым и в гармонии с собой, если в сорок лет ты прикован к инвалидному креслу.

Скоро бессонные ночи начали сказываться на его врачебной практике, и ему пришлось переместиться в отдельную комнату их уютного дома. Сам дом очень удачно располагался на склоне большого холма, окруженного деревьями. С него открывался вид на море, которым жена была одержима. Море казалось просто сияющим на закате горизонтом, а в пасмурную погоду его и вовсе не было видно. Но, несмотря на это, Ник всегда мог оставить жену в удобной коляске лицом к этой сверкающей полосе и заняться своими делами, зная, что Веронике наверняка не скучно. Так было и вчера вечером, и неделю назад.

Иногда Веронике приходила в голову какая-то мысль, она начинала нервничать и дергаться – выглядело это порой жутко. Из-за физической слабости она ничего не могла с этим поделать, тело больше ее не слушалось. Временами Ник находил ее на полу в замысловатых позах. В промежутках между приступами Вероника оставалась спокойной и даже могла произносить некоторые слова. Не совсем четко, но можно было понять, чего она хочет. Их дочь Лиза привыкла к тому, что мама не такая, как мамы ее одноклассниц, ведь ее мама была особенной. Лиза, которой было уже семь, и не помнила ее другой.

Раньше Вероника любила рисовать. Теперь она могла просто сидеть и смотреть на холст, держа кисть, которую ей вкладывала в руку Рита. Женщина все надеялась, что Вероника снова сможет писать картины. Ник наблюдал за их пленэром и не вмешивался. Если это как-то облегчало страдания его жены – что ж, пусть сидит и смотрит на пустой холст. Он даже сам съездил в магазин, купил все, что было надо, и организовал на улице небольшую деревянную площадку. Вероника была довольна.

Ник привык ухаживать за своей супругой, он понимал все ее знаки, а она принимала его заботу. Единственное, о чем он жалел, что в прошлом не был достаточно настойчив или более к ней внимателен – возможно, он мог бы что-то изменить. Иногда его мысли омрачались, и он думал о том, как отвратительно проходит его жизнь. Ему казалось, что другие люди живут лучше: смеются, путешествуют, занимаются любовью, имеют общие планы. Нику его будущее казалось непроходимыми дебрями, из которых он не видел выхода. Единственным лучиком, который освещал его путь, была дочь Лиза.

И этот лучик всеми своими тридцатью двумя килограммами обрушился на живот Ника, отчего тот с громким выдохом сложился вдвое.

– Лиза!

– Па-а-ап, вставай! – закричала она.

– Лиза, ты убьешь меня, слезь, пожалуйста! – взмолился отец.

– Прости, пап, – Лиза, одетая в пижаму, украшенную желтыми слонами, села рядом. –

Мы идем на пляж?

– А что, уже утро?

– На твоих электронных часах 7:15.

– На электронных? – Ник поставил ноги на пол. – Электронные часы – для маленьких, мы же договорились, что пользуемся часами со стрелкой.

Лиза скривила личико.

– Сделаешь блины на завтрак?

– Конечно, – он медленно встал с кровати. – Давай позавтракаем часов 8? Хорошо?

– Хорошо.

– Иди чисти зубы, а я пока спрячу электронные часы, – заговорщицки предупредил он дочь.

– Так нечестно, – Лиза любила растягивать слова, когда ей что-то не нравилось. Получалось: та-а-ак не-е-е-е че-е-естно-о-о.

Ник поцеловал ее в макушку.

– План таков: зубы, завтрак – и поедем к морю.

– Ура-а-а! – Лиза с победным кличем спрыгнула с кровати и умчалась в ванную.

– Ура, – крикнул он ей вслед.

Ник пошел в комнату Вероники, которая для практичности располагалась на первом этаже. Он тихонько постучал. Женщина лежала спиной ко входу в комнату. Тусклые волосы с проседью разметались по подушке.

– Милая, – позвал он жену. Ответа не было.

Он обошел кровать и приблизился к Веронике, она лежала с открытыми, неподвижными глазами. Ник спокойно встал рядом, подождал несколько секунд. Она все так же не двигалась и даже не моргала. Он протянул руку и тронул ее за плечо. Она перевела на него взгляд больших, глубоко посаженных глаз.

– Пора вставать, дорогая, – Ник откинул ее одеяло. – Твоя дочь хочет к морю, думаю, вы в этом солидарны. Давай я помогу тебе собраться.

Он поднял ее с постели и отнес в ванную комнату. Туалет, душ, чистка зубов – для Ника это была уже рутина, которую он исполнял последние несколько лет. Нику очень помогала Рита. Несмотря на свое пристрастие к алкоголю, она была незаменима. Рита жила в соседнем доме и всегда могла быстро к ним прийти, если была нужна ее помощь. Более того, она была медсестрой на пенсии, ее знания и опыт всегда пригождались. И в свои пятьдесят шесть она оставалась крупной, сильной женщиной и с легкостью могла поднять худенькую Веронику, если это было нужно.

Ник усадил жену в кресло-каталку, вывез на кухню и принялся за приготовление завтрака. Время подходило к восьми. На втором этаже слышался топот – малышка мчалась на кухню. Спустившись к завтраку, Лиза первым делом подбежала к матери и обняла ее за шею.

– Доброе утро, мамочка.

Вероника в ответ вяло улыбнулась, она говорила редко и едва слышно. Лиза чмокнула ее в щеку.

– Оброе уто, – прошептала она в ответ девочке.

Наконец-то Ник рассадил всех вокруг стола. Он любил воскресные совместные завтраки. Лиза что-то щебетала про своих кукол, которых так же садила рядом. За окном светило солнце, заливая кухню светом, и глаза Вероники становились озорными. Как удивительны глаза человека: Вероника, не имея способов коммуникации через речь или действия, могла выразить все свои чувства, эмоции, просто посмотрев с определенным выражением. Когда она смотрела на Лизу, ее глаза светились теплом и лаской, появлялись озорные огоньки. Потом она переводила взгляд на мужа, и было видно, как тепло в ее глазах сменяется на холод, который становился почти осязаем. Ник мог поспорить, что в этот момент ее глаза становились темнее.

Когда завтрак был окончен, вся семья расселась в автомобиле: обычно Веронику вместе с коляской помещали в салон автомобиля через заднюю дверь, рядом устраивалась Лиза в детском сиденье. Сам Ник усаживался за руль, и они ехали всей семьей к морю. Для купания было холодно, но дышать морским воздухом и бегать по пляжу можно, и Лиза всегда находила себе компанию из таких же шумных одногодок и расплескивала свою энергию вдоль кромки моря.

Вероника в это время была в прекрасном настроении, ее даже можно было посадить на расстеленное покрывало. Ветер раздувал ее волосы, собранные Ником в неаккуратный хвост на затылке. Вероника трогала песок непослушными пальцами.

Нику всегда было больно смотреть на ее руки – если бы она не была одержима мыслью стать великим художником, ничего этого бы не было...

Глава 2

2004

Волосы Вероники, раздуваемые морским бризом, поднимались в воздух золотистым ореолом. На ней было ситцевое платье в голубую полосочку, вроде бы он даже видел его в шкафу совсем недавно. Это платье ей очень шло, простое и элегантное. Они только узнали, что Ника беременна, она вся светилась от счастья. Как она была прекрасна в своей легкости, в те дни она казалась моложе своих тридцати двух лет. Словно ребенок вдохнул в Веронику жизнь. Они сидели на покрывале, закапывая в песок ступни и перебирая его между пальцами.

– Ник, – она посмотрела на него своим озорным взглядом, – очень важно открыть мою выставку до рождения малыша, иначе потом совсем не будет времени.

Она повернула лицо к морю.

– Конечно, – улыбнулся ей Ник. Как она была прекрасна в тот момент.

Он мог все для нее сделать. Милая, прекрасная Ника. Они вдыхали морской воздух на пустынном пляже в начале августа их последнего счастливого года вместе.

Всю свою жизнь Вероника безумно любила строить планы, они были для нее как локомотив для поезда. В ее мастерской лежали пара десятков отличных картин. Это целая выставка, а собственная выставка была ее главной мечтой. Немногочисленные друзья Вероники давно уже имели семьи. Но сама она не спешила и жаждала явить миру свое творчество. И, настроившись на удачную карьеру художника, встретила своего будущего мужа уже после тридцати.

До Ника ее отношения складывались не совсем удачно. Даже можно сказать, плачевно. Одни-единственные серьезные отношения длились около семи лет и закончились болезненным расставанием. Веронике даже пришлось проходить терапию и пить антидепрессанты.

Лукас. Боже, как он был прекрасен! Лучший друг ее старшего брата. Ей было всего семнадцать, когда они познакомились, ему двадцать один. Дерзкий красавец моментально украл ее сердце. И вот по прошествии семи лет она горстями пила таблетки и ходила, как она это называла, «плакаться» к психотерапевту. Поначалу сеансы давались ей крайне тяжело, ведь на тот момент это было расставание с любовью всей жизни, настоящая трагедия! И совладать со своими мыслями, находясь в депрессии, ей было не под силу. Особенно в моменты, когда она в очередной раз осознавала, что у них с Лукасом все кончено. Она часами лежала на кровати и смотрела в одну точку, не было сил даже плакать. Ее родителям постоянно приходилось за ней следить, и они обратились к врачу. С его помощью по волнам безразличия Вероника добралась до бушующего океана истерик.

«У ее состояния есть название», – усмехнулась тогда Вероника, но принять сразу эту информацию она отказалась. Ну как можно такое принять – тебе кажется, что это изюминки твоего характера, а психотерапевт с легкостью обличает твои «изюминки» в диагноз. Как же это было ужасно, ведь жизнь ее закончилась в двадцать четыре. Все вокруг счастливы, только она одна одинока и психически больна. При всем при этом ее психотерапевт наверняка ее ненавидит. Но Вероника по настоянию матери продолжала ходить на терапию еще несколько лет.

Со временем Вероника нашла свое лекарство от одиночества – через полгода она осознала, что ей становится намного легче, когда она берет в руки кисти. Однажды она совершенно случайно проходила в парке мимо студентов художественной школы, которые с очень сосредоточенными лицами вышли на пленэр к озеру. Она обошла группу по кругу, чем привлекла внимание ребят. Юные таланты начали смущаться, ведь Вероника не просто смотрела, а буквально пялилась, как замороженная. И в тот же вечер она начала писать картины. Они

не были похожи на те, что писали студенты в парке, – все красиво и облагорожено, все по правилам, эдакая стерильная живопись. Вероника писала абстрактные изображения морей, озер, океанов. Вода ее успокаивала.

Картины эти были выражением ее эмоций и чувств. Бушующие океаны давались ей лучше всего, когда она была в гневе и сметала все вокруг со столов и полок. Она ощущала просто физическую потребность в звуке разбиваемого стекла и виде разлетающихся по сторонам осколков. Кружки, книги, лампы – все летело в стену. Сама загоняя себя в угол, она ощущала физическую боль от мыслей в ее голове. Вероника была словно без кожи, а люди вокруг посыпали ее перцем. Потом, когда мать приказывала ей успокоиться, девушка мчалась в гараж, хваталась за кисти и гневно била ими по холсту, оставляя синие, черные, голубые крупные мазки. Было несколько неудачных моментов, когда она разрывала холст или прокалывала его кистью, а потом сидела с ним в обнимку и рыдала. Как будто в гневе ударила свое дитя и очень-очень об этом жалела.

Бушующих морей и океанов было написано больше всего, хотя многие из них просто летели в мусорный бак после «сеанса цветотерапии», как называла этот процесс ее мать. Когда терапия и лекарства дали свои плоды, Вероника отправлялась в гараж и бралась за кисти. Позже у нее начали получаться и спокойные воды. Озера и моря, покрытые мелкой рябью, вводили ее в некую медитацию, и тогда она забывалась на долгие часы, водя кистью по холсту. Если выставить ее картины в один длинный ряд, то можно увидеть, как состояние Ники постепенно улучшалось. Чему ее семья была несказанно рада.

Глава 3

2012

Вероника любила воду не только на холсте, поэтому Ник каждый вечер готовил для нее ванну. Все как в романтических фильмах: мягкий свет ароматических свечей, тихая музыка, густая пена. В ванной Вероника ощущала легкость, наполнялась силами и успокаивалась. Какое-то время Ник возил ее на водные процедуры в бассейн. Там симпатичная инструктор по плаванию Анна, держа ее на руках, опускала в воду, плавала с ней, заставляла двигать ногами. Продлилось это недолго. Когда Вероника спросила про бассейн, Ник ответил, что плавание в бассейне нецелесообразно и затратно по времени. И смысла никакого в этом нет, раз через полтора месяца не видно прогресса в отклике мышц и гибкости суставов. И вот – по его мнению – Вероника не оправдала ожиданий своего супруга. Он хотел, чтобы через месяц его жена побежала по ромашковому полю, а она всего-то научилась самостоятельно чуть сильнее сгибать ноги в коленях. «Наверное, у них с Анной ничего не вышло, но признать свою вину не в стиле Ника Кауфмана», – сделала вывод Вероника. У нее были подозрения, что у ее мужа с физиотерапевтом Анной Лева что-то было.

Возможно, это были просто ее мысли, навязчивая идея, потому что ей было страшно остаться одной. Ведь в реальности она инвалид, прикованный к коляске, неспособная на физическое выражение любви своему мужчине. Ей стоило больших усилий держать свою ревность под контролем, она не хотела превратиться в жену-истеричку, находясь в слабой позиции относительно других женщин. Вероника запуталась в том, что ей казалось, и что было реальностью. «Ведь Ник хороший человек, и, если бы он хотел меня бросить, он сделал бы это уже давно, – говорила она себе. – Сдал бы в какую-нибудь лечебницу, а не возился с мной, как с дитем малым».

А он продолжал готовить ей ванны каждый день, Вероника любила эти моменты. Они были очень интимными, наполненными любовью. Она видела, что Ник ее все еще любит – по человеку это всегда видно. То, как он аккуратно поднимал ее на руки, как нежно укладывал в ванну. Ведь Ник мог оставлять ее с Ритой, но он сам проводил эти полчаса рядом. Веронике было сложно самой держаться на плаву, и Ник всегда наливал такое количество воды, чтобы у нее не было возможности захлебнуться. И этой возможности никогда не было, но муж все равно сидел рядом. Иногда что-то рассказывал, подливал горячую воду, если та остывала. Вероника любила эти вечера. И любила мужа.

* * *

Наступил еще один рассвет еще одного дня, в котором все повторится. Ник лежал с открытыми глазами уже давно, ждал, когда взойдет солнце. И думал: нужно хоть что-то изменить. Решил начать с завтрака – сегодня он опередит Лизу и приготовит завтрак-сюрприз.

Лиза действительно удивилась, когда вбежала в комнату отца, а там никого не оказалось. Она сразу помчалась вниз по лестнице на кухню. И там никого не было. Но на столе в сияющем солнечном свете стояли... ванильные вафли с клубникой и взбитыми сливками. Кроме того, сверху они были политы шоколадным сиропом. От такого обилия сладостей с утра ребенок испытал неопишуемый восторг. Она закричала голосом, похожим на ультразвук:

– Па-а-а-апа-а-а-а!

Ник вбежал в кухню через три секунды после вопля.

– Что случилось? – он был напуган, глаза навывкате.

– Это все мне? – спросила Лиза невинно.

Ник выдохнул.

– О боги, Лиза, что за крики. Я чуть ума не лишился! – воскликнул Ник. – Это нам. Я у мамы в комнате, скоро к ней придет сиделка.

– Большая Рита? – спросила Лиза. Однажды она увидела Риту, когда та пьяная сшибала углы в их доме. Нику пришлось отправить сиделку домой.

– Да, она. Скорее наверх, мне нужно помочь маме собраться.

Ник услышал, как его зовет Вероника из своей комнаты. Дверь была приоткрыта. Он заглянул в комнату и увидел, что его жена лежит на полу, едва перебирая руками и ногами в попытках встать. Ник понял, что помчался на зов ребенка так быстро, что не усадил свою жену в кресло как следует и она кулем сползла на пол. Он не мог отвести взгляд, просто стоял и смотрел на ее слабые попытки как-то себе помочь – словно огромное насекомое перебирает лапками по полу. Эта мысль заставила Ника ухмыльнуться.

«Какая же она жалкая», – улыбка плавала на его лице.

– Может, все-таки помочь? – раздался за его спиной голос Риты.

Ник вздрогнул.

– Зачем так подкрадываться? – возмутился он. – Я жду, когда она сама встанет. Если ее все время оберегать, никакого прогресса не будет.

Он одним движением распахнул дверь в спальню жены.

– А если вы, Рита, будете так подкрадываться, то insult будет и у меня, и вам придется убирать утки уже за нами двумя.

Ник был зол. Его поймали как мальчишку, еще и пристыдили, будто он подглядывал за голый сестрой в ванной.

Рита вплыла в комнату.

– Прошу прощения, Николас. Я думала, вам это доставляет удовольствие.

Ник усаживал Веронику в кресло, та вопросительно смотрела на него.

– Не волнуйся, милая, у Риты сегодня с утра разыгралось воображение. Наверное, это последствия алкоголизма.

Рита фыркнула, он повернул Веронику к ней лицом.

– Отведите Веронику к завтраку.

* * *

После утреннего происшествия прошел уже час, но осадок у Ника остался. Он застегнул рубашку на слегка выдающемся животе, заглянул в зеркало.

«Надо бы сбросить пару кило», – Ник заправил рубашку в брюки. От этого живот стал виднее – он его втянул. Вышло смешно, Ник выпустил рубашку из брюк. Пригладил расческой волосы, направив их на залысины на лбу, чтобы они стали менее заметными, и спустился в кухню. Там его ждала вся его семья, он обвел их взглядом и остановился на Рите. Та сидела, сгорбившись, с виноватым видом, и постоянно чесала красный нос. Лиза с восторгом поблагодарила за вкусный завтрак и ясно дала понять, что ждет таких сюрпризов каждый день.

– Не обещаю, но постараюсь, – ответил он вопрошающей Лизе, которая повисла на нем, цепляясь за пиджак.

Он вышел на улицу и сел в машину. Какая замечательная у него семья. Дочь не переставала его радовать, без нее Ник бы свихнулся. Тихая жена, любимая работа, красивый дом – в этот момент Ник Кауфман был счастлив. Он помахал рукой в сторону окна, в котором светило радостью лицо Лизы. Потом появилась Рита, отодвинула ребенка от окна и закрыла штору. В затылке свербела мысль: он бы хотел, чтобы все было по-другому.

После обеда Нику позвонила учительница Лизы и заявила, что его дочь ударила учебником соседа по парте.

– У нее слишком много энергии. Лиза беспокойный ребенок, – заявила она в трубку.

Ник скривился от звука голоса учителя.

– Я поговорю с Лизой сегодня, – ответил он и повесил трубку.

Ник медленно выдохнул и опустился в кресло за рабочим столом. В дверь его кабинета тихонько, едва слышно, постучали.

– Проходите, – негромко произнес он.

В ту же секунду в проеме нетерпеливо появилось милое женское лицо, обрамленное каштановой копной волос, собранных сзади в хвост.

– День добрый, – прошептала она, – у меня назначено на четыре.

Ник просто молчал. Он видел криво улыбающееся, уставшее лицо, алебастровую кожу, усыпанную веснушками, но не услышал ни слова, произнесенного ярко-розовыми губами.

Молчание начало неловко затягиваться. Девушка улыбнулась шире, и, прочитав в ее глазах ожидание ответа, Ник торопливо сказал:

– Простите, у дочери проблемы в школе.

Девушка изящно проскользнула в кабинет. После этого он жестом пригласил ее в стоматологическое кресло. Ник заметил, как она двигается, как держится. Девушка, словно бы вышагивая своими бесконечно длинными ногами, приблизилась и села в кресло.

– На что жалуетесь?

– Что-то застряло в десне, даже кровь сегодня шла, – нахмурилась она. – Не могу понять, что это.

– Не стоит переживать, сейчас все узнаем, – Ник улыбнулся и начал натягивать медицинские перчатки и маску. – Где именно вас беспокоит боль? – он включил лампу и направил на девушку.

«Даже губы усыпаны веснушками», – сделал он заметку в памяти.

Девушка ткнула пальцем в щеку и открыла рот.

– Ах, да. Вижу, – Ник взял инструмент со стола. – Между десной и шестым зубом. Сейчас все исправим.

Ему потребовалась всего пара минут.

– Вот и все. Я же говорил, будет быстро.

«А жаль», – продолжил он в голове. Но вслух сказал:

– Возможно, будет еще кровоточить, но это быстро пройдет.

Ник снял перчатки и маску. Мозг его судорожно искал темы для разговора, но девушка сама ему подсказала.

– Спасибо большое! Так хорошо, что вы быстро справились, – она мягко улыбнулась. – У меня репетиция через полчаса, значит, успею.

Улыбнувшись шире, она встала с кресла.

– Вы актриса?

– Я танцую и также хореограф в детской балетной школе.

– Я мог бы догадаться, у вас такая осанка, – Ник говорил и сам не понимал, что несет. – Знаете... высокая.

– Интересное замечание, – звонко засмеялась девушка.

– А что танцуете? Если можно так спросить.

Она опять засмеялась:

– Я балерина.

Девушка медленно начала продвигаться к двери. Выглядело это так, словно она хотела, чтобы этот разговор быстрее закончился. Нику это не понравилось.

– Ого! Я ни разу не был на балете, – признался он и сам удивился: почему за сорок два года он ни разу не посетил балет?

– Правда? – она искренне улыбнулась. – Вам обязательно стоит сходить посмотреть. Я танцую в труппе нашего Театра. Он тут единственный, как вы знаете, поэтому его легко найти.

– Я обязательно приду, – пообещал Ник и точно знал, что это обещание он выполнит. – Сегодня в э-э-э... пять, верно?

– Нет, – она так широко улыбалась, что все ее веснушки разбежались к слегка оттопыренным ушам. – Сегодня только репетиция. Спектакль будет через месяц, даже полтора.

– Ах, как жаль, у меня как раз вечер свободен, – он действительно расстроился, и она это заметила.

Его эмоции становились слишком очевидны, он разволновался еще больше. Ник не умел врать, ведь вечер свободен не был, впереди были еще два пациента.

– Не расстраивайтесь так, я вас лично приглашаю на премьеру

– Согласен! – улыбнулся он, но в груди немного сжалось от нетерпения. – Буду ждать.

– Меня зовут Аврора Вивер, – представилась девушка и первая протянула руку.

– Я Николас Кауфман, Ник, – он аккуратно сжал прохладную ладонь. И задержался чуть дольше положенного по этикету.

– Будем знакомы, – она двинулась к двери. – Нужно бежать, а то я вас задерживаю своими разговорами.

– Это прекрасно, когда есть о чем поговорить, – успел произнести он, когда Аврора была уже у двери.

– До свидания, – улыбнулась она и выпорхнула из его кабинета, не закрыв за собой дверь.

Мысли его были на паузе, Ник стоял и смотрел на открытую дверь еще несколько секунд. Потом, очнувшись, он поспешил к окну. Аврора легкой походкой переходила дорогу, даже не глядя по сторонам. Ее волосы, собранные в тугий пучок, отливали медью в послеполуденном солнце.

«Аврора...», – прозвенело ее имя у него в голове, как колокольчик, как сигнал к действию.

Ник быстро скинул врачебный халат и выскочил на улицу вслед за ней.

– Я буду позже, Ирма! – крикнул он, сбегая по лестнице. Его пожилая помощница даже не успела ничего ответить.

Аврора шагала легкой походкой, не оборачиваясь. Ник Кауфман прошел за ней до самого театра, ему даже прятаться не пришлось. Всего лишь десять метров разделяли их, потом пять, а когда он приблизился настолько, что мог почувствовать запах ее духов, он сбавил темп. Впереди виднелось здание театра: красивое, белое сооружение. Парадный вход с колоннами и огромными дубовыми дверями. Около входа толпились молодые люди. Они весело поздоровались с Авророй, кто-то даже ее приобнял, отчего у Ника заныло в груди от ревности. Они все вместе вошли в театр, парни пропускали девушек и, судя по звонкому девичьему смеху, весело шутили. Ник постоял на улице еще несколько секунд и уверенно двинулся в сторону входа.

В холле театра пахло старым деревом и пылью, но людей не было, будто никто и не входил. Сразу при входе в театр по обе стороны от дверей находились лестницы, ведущие вниз, – в гардероб и уборные. Ник прошел вперед, в большой холл с огромными золотыми люстрами, и представил, как они, должно быть, красивы, когда включены.

Где-то в глубине коридоров были слышны удаляющиеся голоса, он немедленно последовал за ними, скрипя паркетом под ногами. Идя по длинному темному коридору, Ник заглядывал в маленькие окошки в дверях – за каждой из них был тренировочный зал, они различались только размерами. Ник услышал музыку. Фортепиано и виолончель отдавали мелодичным

эхом. Звук шел из самой последней двери, расположенной в конце темного коридора. Внутри зал был освещен солнцем, отчего Нику казалось, что он видит свет в конце тоннеля.

Он прильнул к маленькому окошку, и даже если бы он умер в этот момент своей жизни, он бы ни секунды не пожалел об этом. Аврора. Она двигалась с такой силой, изяществом и красотой, что Ник забыл, как дышать.

Девушка скинула теплый свитер, под ним было надето бежевое боди, облегчающее ее тонкое тело, отчего она казалась обнаженной до края теплых серых гетр. Сильные бедра были открыты. Уже распущенные каштановые волосы отливали медью и металась в стороны в такт ее движениям.

Аврора начала двигаться под музыку, в которой появился звук ударных. Низкие басы гипнотизировали. Аврора была как неудержимый медный ураган, постоянно меняющий направление. Ее длинные руки и ноги двигались словно по отдельности и вместе одновременно.

Секунда – и она одним прыжком в шпагате достигает середины зала. Казалось, что она замерла в воздухе, пронизанном солнечными лучами. Музыка начала подходить к завершению, и Аврора замерла на полу танцевального зала, демонстрируя удивительный прогиб в пояснице. Залитая лучами вечернего солнца, она глубоко дышала. Ее маленькие груди, обтянутые тонкой бежевой тканью, устремились в потолок, ребра поднимались в ритм дыхания. Ник и сам дышал в ритме ее дыхания так тяжело, что стекло запотело. Каждое движение девушки отпечаталось в его памяти, как фото. Словно в его мозгу каждую секунду сверкали вспышки.

В тот день он точно понял, что полюбил балет навсегда.

* * *

Вечером Ник не находил себе места. Поднявшись на второй этаж, включил воду и сел на край ванны. Под шум льющейся воды он вспоминал изгибы тела Авроры, бедра в веснушках, маленькие груди. Ник почувствовал тепло в паху.

Добавил пену и снова уселся на край. Вскоре ванна наполнилась ароматом спелого персика. К тому времени, как ванна наполнилась, влажная футболка на Нике начала липнуть к спине.

Он сходил на первый этаж и принес Веронику. Положил ее аккуратно в ванну, а когда убрал руки, Вероника внезапно скрылась под водой. Ник ее поспешно вытащил. Волосы облепили испуганное лицо женщины, она громко откашливалась. Он убрал мокрые волосы с ее лица и вытер глаза рукой. Вероника смотрела на него удивленно.

– Прости милая, прости, – он поцеловал ее в макушку.

Ник слил половину воды из ванны и ужаснулся мысли, что чуть не утопил свою жену. Испугался. Хорошо, что он всегда рядом с ней. Бедная Вероника.

После происшествия Ник понял, что Вероника злится. Он поспешил отнести жену в спальню. Уложив ее под одеяло, лег рядом. Стоило ему только закрыть глаза, перед ним возник образ девушки, ее сильных бедер. Почувствовав тепло женского тела, Ник залез под одеяло к Веронике – ему очень нужно было заглядить свою вину.

Глава 4

2004

Ник вошел в дом, Вероника с кем-то воодушевленно болтала по телефону:

– Да, конечно! Жду с нетерпением нашей встречи!

Она положила трубку в тот момент, когда он уже прошел на кухню.

– Кто это был?

– Ты не представляешь, как чудесно идут дела! – воскликнула она звонко. – Только что я разговаривала... угадай с кем? – не унималась счастливая Ника.

Николаас сделал вид, что напряженно думает.

– Тот, кого я не знаю? – предположил он.

– Это хозяин потрясающего места, которое я случайно нашла в интернете. Там-то я и открою выставку!

Она выглядела забавно со своим округлившимся животом. Шел седьмой месяц беременности, энергия из нее была ключом.

– Правда? И где же это место?

– Я тебе сейчас все покажу, – она села за стол, на котором стоял ноутбук, и развернула экран к Нику. – Смотри, это здание стоит прямо на берегу моря. Там огромные окна, много света и абсолютно белые стены. Это идеальное место! – Вероника захлебывалась эмоциями.

Ник посмотрел на фото на мониторе. Белое, ничем не примечательное здание, много прямых углов. Как гигантская белая коробка, в стенах которой проделаны отверстия для окон.

– Внутри есть перегородки, на них-то я и развешу все свои произведения!

– Еще скажи, шедевры.

– Ну почему ты такой? – воскликнула Ника. – Неужели ты не можешь меня поддержать! Почему ты все время стараешься меня обидеть? – ее голос уже переходил в плач.

– О, милая, прости, – Ник попытался исправить ситуацию. – Я неудачно пошутил.

Но было уже поздно: слезы катились по щекам и падали на милое платье для беременных.

Он подошел и обнял ее.

– Хочешь, поедem завтра вместе?

– Правда? – она шмыгала носом.

– Конечно, во сколько там нужно быть?

Вероника оживилась и перестала плакать.

– К 10 утра. Очень важно быть там вовремя, – тараторила Ника, – иначе это помещение заберут, я не одна охочусь на него. Там хотят сделать магазин какой-то модной одежды, я не прощу себе, если его не удастся арендовать завтра!

– Отлично, я прямо сейчас позвоню в клинику и отменю запись на утро!

Она уже улыбалась, шмыгая красным носом.

– Спасибо. Как хорошо, что ты будешь рядом! Вместе мы сможем убедить арендодателя, что ему подходит именно моя кандидатура! – она подставила губы для поцелуя. – Ты будешь ужинать?

Ника уже сияла и порхала по кухне.

– Обязательно, но сначала сбегаю в душ.

Ник быстро поднялся по лестнице и заперся в ванной.

Он вышел из душа, обмотался полотенцем. Подошел к запотевшему зеркалу и провел по нему рукой. Глянув быстро на свое отражение, Ник оценил себя на отлично. Он поиграл грудными мышцами и пригладил пятерней темные густые волосы – у лба они были чуть длин-

нее и немного вились, создавая впечатление, что он фанат Джеймса Дина. Ник надел свежую футболку и тренировочные штаны, которые на текущем этапе своей жизни использовал в качестве домашней одежды.

Он спустился на первый этаж. Кухня блистала чистотой и была наполнена ароматом жареного. Как странно, что он раньше не обратил внимания – Вероника отличная домохозяйка.

– Вероника? – позвал он жену.

Ответа не последовало. Испуганно озираясь, Ник осмотрел весь первый этаж дома. Как только он понял, что кроме него дома никого нет, сразу же выглянул во двор – Вероника сидела на земле, облокотившись о старую яблоню.

– Вероника!

Ник в три шага добежал до жены, она была бледна.

– Ник, я упала, – голос ее звучал слабо, было видно, что ей тяжело говорить.

– Подожди, милая, я отвезу тебя в больницу.

Ник подхватил жену на руки и понес в машину. Ника была мягкая и тяжелая. Он посадил ее на переднее сиденье, а сам сел за руль.

Врач вышел из палаты Вероники минут через сорок.

– Доктор Кауфман, здравствуйте, я лечащий врач вашей супруги, – отчеканил он сухим голосом. – У нее внезапно поднялось давление. Она раньше жаловалась на слабость, головную боль?

– Нет, никогда, но сегодня она разволновалась.

– Мы оставим ее здесь на сутки для наблюдения, можете к ней зайти.

– С-спасибо, с ребенком все в порядке? – Ник чуть заикнулся от волнения.

– Да, опасности нет, – врач растянул губы в улыбке «доверься мне». – Но вам нужно будет следить за давлением вашей жены, никакого кофе.

Пожав руку, врач развернулся и быстро двинулся по коридору. Ник смотрел ему вслед – в движениях врача было что-то от робота.

Ник вошел в палату, Вероника была бледная и слабая.

– Ну вот, дожили, – она улыбнулась. – Давление скачет как у старушки.

– Не переживай, милая, завтра ты поедешь домой, – успокаивал ее Ник. – Главное, с ребенком все хорошо.

– А как же выставка? – Вероника умоляюще взглянула на мужа. – Тебе придется встретиться с ним самому, ты же сделаешь это для меня?

– Конечно, милая, я все сделаю как надо, – он поцеловал ее в макушку. – Отдыхай, я позвоню тебе завтра.

* * *

На следующее утро его машина шуршала по гравию подъездной дорожки, направляясь к белому зданию, об аренде которого так мечтала Вероника. Как только Ник вышел из машины, в него сразу ударил морской воздух, взъерошив волосы. На крыльце стоял пожилой мужчина.

– Здравствуйте, – поприветствовал он гостя и махнул ему рукой, приглашая подойти ближе.

– Доброе утро. Вам вчера звонила моя жена, Вероника Кауфман, договорилась о встрече на сегодня, – Ник разговоривал с мужчиной, не снимая солнцезащитных очков.

– Ох, та милая леди, – мужчина открыто улыбался, лет ему было больше шестидесяти. – Я ее очень ждал. Она обещала мне показать фотографии картин, которые хочет тут разместить. Я думаю, это отличная идея. Магазин тоже неплохо, но я за искусство, – мужчина тихо рассмехался. – Она сегодня будет?

– К сожалению, с моей женой случилось несчастье вчера вечером, – голос Ника немного дрожал. – Выкидыш.

Пожилой мужчина положил руку себе на грудь.

– Как же так? – воскликнул он.

– Она себе места от горя не находит, – Ник пригладил волосы. – Поэтому с выставкой придется подождать, пока Вероника не восстановится. Это месяца три-четыре, – предположил он.

Мужчина почесал затылок.

– Я не могу так долго ждать. Это здание и так простояло три месяца без аренды из-за ремонта, терять еще четыре месяца мне не по карману, – мужчина развел руками.

– Я все понимаю, – сказал Ник очень расстроившись.

– Придется отдать под магазин, – выдохнул хозяин здания. – Хорошие деньги не хочется терять.

– Конечно, я все понимаю. – Ветер трепал волосы Ника, и это стало его раздражать. Он прижал их ладонью. – Вы могли бы не звонить Веронике, чтобы не напоминать? Ей сейчас тяжело общаться с кем-либо.

– Безусловно! – воскликнул собеседник. – Никаких звонков! Выздоровливайте в тишине.

Ник сел в машину, завел двигатель – из-под колес полетел гравий. «Вид тут и правда отличный», – подумал Кауфман и вернулся в клинику.

Глава 5

2012

Через неделю, уже окончательно изведя себя мыслями об Авроре, Ник во время обеденного перерыва пошел в театр. На этот раз при входе сидел мужчина и читал газету, он не оторвался от нее даже когда Ник гулко хлопнул дверью. Как только Ник приблизился к нему, мужчина окатил его холодным взглядом из-под бровей и нехотя снял очки.

– Чем-то могу помочь?

– Здравствуйте, – Ник крутил головой по сторонам, осматривая холл. – Я слышал, тут детей танцам учат.

Мужчина помолчал несколько секунд.

– Да, есть такое.

И тишина.

Ник ждал продолжения, вскинув брови.

– У меня есть дочь, ей скоро восемь лет, – пришлось ему продолжить самому. – Хочу отдать ее на танцы.

Мужчина молча смотрел на посетителя несколько секунд. Он надел очки на нос и снова вернул взгляд в раздел спортивных новостей.

– Вам нужно выйти на улицу и обойти здание справа. У школы танцев отдельный вход. Хореографа зовут Анна, симпатичная такая. У нее спросите.

– Анна? Разве только она? – Ник скривился, услышав имя. У него к Аннам была особая неприязнь после нелепых отношений с инструктором по плаванию.

И снова молчание, сопровождаемое пристальным взглядом.

– Еще одна есть, да. Аврора, ее ни с кем не спутаешь, она с такими, как будто рыжими волосами. Тоже там бывает.

– Хорошо, – Ник развернулся к выходу.

Ответ Нику не понравился. «Тоже бывает» звучит как будто она там нечастая гостья. Он обернулся, придерживая дверь:

– Последний вопрос: когда проходят занятия?

* * *

Спустя четыре часа Ник снова подходил к театру. Не один, за его руку крепко держалась Лиза. Она что-то весело щебетала, описывая все, что видела. Ник ее не слушал. По его подсчетам, занятия заканчивались в семь вечера. Он глянул на часы – 19:05, он почти опоздал. Подойдя к театру, он увидел нескольких родителей. Некоторые разговаривали между собой, кто-то делал вид, что никого не замечает, рассеянно разглядывая улицу. Тогда Ник с облегчением понял, что из танцевальной школы еще никто не вышел и занятия еще идут.

Он бродил с Лизой туда-сюда вдоль театра целых 15 минут, периодически бросая взгляд на боковую дверь. Аврора должна была скоро выйти, если дед не ошибся. Лиза уже начала спрашивать, почему они тут гуляют и скоро ли ужин мороженым, который папа ей обещал.

На четвертом круге их семейной прогулки дверь наконец-то открылась. В проходе сначала появилась одна девочка возраста Лизы. Потом стали появляться еще и еще дети. Они разбредались в разные стороны. Кого-то забирали родители, кто-то шел самостоятельно, некоторые шли парочками. И вот появилась Аврора. Она шла и вела за руку плачущую девочку. Ник тут же схватил Лизу за руку и потащил ближе к театру, Лиза еле за ним поспевала, бол-

таясь из стороны в сторону как воздушный шарик, наполненный воздухом. Они остановились метрах в десяти от Авроры, которая села перед девочкой на одно колено и вытирала ей слезы платком. К ним подошла женщина, как понял Ник, мать ученицы.

Аврора передала ребенка матери и собралась уходить.

– Аврора, – окликнул ее Ник. Она не услышала. – Аврора! – крикнул он громче.

Девушка посмотрела на него пристально, вспоминая, кто перед ней. Самая неприятная реакция для Ника Кауфмана.

– А кто это? – спросила Лиза.

– Твой будущий учитель, – Ник уже вел девочку по направлению к Авроре.

– Но у меня уже есть учитель, я не хочу другого.

– Надо, Лиза, надо.

Аврора стояла и улыбалась ему. Нику казалось, что он приближается к ней слишком быстро, почти бежит, и сбавил темп.

– Здравствуйте, Аврора, вот так встреча, – деланно улыбнулся он ей. – А мы тут гуляем.

– Здравствуйте, – она приветливо улыбалась, будто стараясь вспомнить человека, с которым разговаривает.

– Ник Кауфман, врач.

– Да, я вас помню.

Лиза уже висела на руке у отца.

– Пап, я устала, – начала она жаловаться ноющим голосом.

– Лиза, перестань, скоро уже пойдем домой. Как хорошо, что я вас встретил, – продолжил Ник, обращаясь к Авроре. – Это моя дочь Лиза. Помните, я говорил про ее проблемы в школе? Так вот, нам посоветовали найти ей какое-то активное хобби. Думаю, танцы бы подошли отлично.

– Можно попробовать. – Аврора наклонилась к девочке. – Здравствуй, Лиза. Как дела?

Лиза в ответ смущенно промолчала и потянула за руку отца.

– Попробовать что? – спросила девочка.

Аврора вскинула брови. Ник быстро заговорил:

– Я посмотрел балет по телеку, – соврал он, – и это так красиво. Сразу подумал про вас...

В смысле, как про учителя.

– Ох, это красиво, когда по телеку, а на самом деле нужно стоять у станка целыми днями и повторять бесконечные батман тандю и деми плие, – Аврора с улыбкой закатила глаза орехового цвета.

– Красиво звучит, как будто названия десертов. Это французский?

– Да, он самый.

– Ну вот, Лиза, – обратился Ник к дочери, – заодно и французский выучишь.

Аврора залиvisto рассмеялась.

– Занятия по вторникам и субботам, вам будет удобно? – спросила она сквозь смех. – Если нет, то можно пойти в класс к моей коллеге, у нее занятия по средам и воскресеньям в то же время.

– Нас устраивает ваше расписание. Тем более вас я знаю, мне будет спокойнее за дочь.

Аврора собралась уходить.

– Тогда увидимся в субботу, Лиза, – девушка улыбнулась и пожала маленькую ладонь. – Тебе понравится.

Она развернулась и легкой походкой, не оборачиваясь, пошла в сторону своей машины, грациозно вышагивая длинными ногами.

– Что понравится, пап? – Лиза потянула отца за руку, тот стоял, зачарованно глядя на уходящую девушку. – Пап!

Он наконец-то обратил на дочь внимание. Они пошли в сторону его машины, пора было ехать домой.

– Танцы, Лиза. Балет, – пояснил Ник.

– Балет? – удивилась девочка. – Настоящий?

– Конечно.

– Вот это да! А ты мне не говорил, что я иду заниматься балетом, – возмутилась Лиза.

– Потому что это сюрприз.

– На этой неделе уже был сюрпризный завтрак. И на прошлой, – перечисляла малышка, загибая маленькие пальчики, – а теперь мы идем есть мороженое на ужин!

– Да, но мороженое только сегодня.

– Ух ты! Тогда эта неделя очень сюрпризная!

– Эта неделя полна сюрпризов, – поправил ее Ник.

– Эта неделя полна сюрпризов, – повторила Лиза, прыгая вокруг отца, пока они не сели в машину.

Глава 6

2004

Следующая весна обещала быть самой счастливой в их жизни, ведь они станут родителями, что может быть лучше? Но как бы все здорово ни начиналось, закончилось не так хорошо.

У Вероники возникла послеродовая депрессия, совпавшая с творческим кризисом. Она не подходила к девочке часами. Оставаясь с матерью, Лиза постоянно плакала до тех пор, пока не засыпала, а когда открывала глаза, она вновь начинала рыдать. Веронику это не понимало. Однажды Ник пришел с работы раньше и обнаружил жену, сидящую на крыльце, спокойно курящую сигарету! Лиза кричала так, что ее было слышно на улице.

– Ника! – завопил он в гневе. – Немедленно брось это!

Ник влетел в дом и подхватил малышку на руки. Бедное дитя задыхалось от рева. Красное личико было залито слезами, которые катились и казались такими огромными на ее маленьком лице. Он поднял ее на руки, подгузник нужно было поменять еще несколько часов назад. Сразу же поменяв подгузник, Ник с ребенком на руках вышел на улицу. Его жена уже потушила сигарету и просто смотрела в одну точку. Возникало ощущение, что она уснула с открытыми глазами.

– Я совершенно не понимаю, неужели тебя совсем не трогает ее плач?!

Вероника вздрогнула как от пощечины.

– Прости, милый, я что-то совсем забылась, – она начала сбивчиво объясняться. – Я писала картину, и пришел сосед за садовой лестницей. Он так заманчиво курил, что я попросила у него сигарету, – она смотрела на Ника огромными глазами, под которыми залегли темные тени.

– Я сожгу все твои краски и холсты вместе с тобой, если ты не возьмешь себя в руки! – прошипел муж сквозь зубы.

Ника смотрела на него испуганно, а малышка, напротив, совершенно успокоилась на руках отца.

– Она, наверное, голодная. Ты кормила ее сегодня хоть раз?! – воскликнул он и зашел в дом.

– Конечно, – бормотала Вероника, следуя за ним по пятам. – Сколько сейчас времени? – она озиралась по сторонам в поисках часов.

Ника раздражало, что она делает вид, будто сильно заинтересована и он разозлился еще больше.

– Пять вечера, – прошипел он. В тот момент ему стоило огромных сил, чтобы ее не ударить.

– Наверное, пропустила одно кормление, – начала лепетать жена и метаться по кухне.

– Какая же ты дура! – воскликнул Ник, зажав при этом ушки дочери, чтобы Лиза не испугалась его гнева.

И малышка была совершенно спокойна, она с любопытством смотрела на отца своими заплаканными глазами, и Ник увидел в них одобрение. Хоть кто-то о ней заботится.

Пока Вероника вяло передвигалась по кухне в поисках бутылочки, Ник решил, что его дочери нужен дополнительный уход. На следующий же день он начал подыскивать няню, которая могла бы приходиться и присматривать за ними обеими, пока он с головой уходит в работу.

В их городе было одно специализированное агентство, и Ник вот-вот ожидал от них списка кандидатов на должность няни. Он все уже решил, осталось самое неприятное – сооб-

щить жене. И – как в стандартных киношных сценах – Ник начал разговор за ужином, хотя именно эти моменты в фильмах его бесили больше всего. Герои вместо того, чтобы спокойно поужинать и потом все обсудить, когда собеседник будет сыт и расслаблен, вопят друг на друга, как дикари в пещере. От пошлости момента у Ника сморщился нос.

Только он произнес слово «няня», Вероника тут же отодвинула тарелку. Ник ожидал такой реакции и продолжал жевать брокколи.

– И кого ты хочешь позвать на эту должность? – спросила она язвительно.

– Какую-нибудь хорошую женщину или девушку, которая сможет быть тут, пока я на работе. Их полно, завтра пришлют списки кандидатов.

– Прекрасно, – прошипела она в ответ.

– Перестань! Ты не в состоянии позаботиться о нашей дочери! – воскликнул он. – Тебе нужна помощь.

– Хочешь сказать, что я плохая мать?!

– Мне и говорить этого не нужно, ты сама все знаешь, – совершенно спокойно ответил он.

На глаза Вероники начали наворачиваться слезы. Страх от мысли, что Ник ее бросит, вывернула ей дух наизнанку.

– Ты хочешь меня бросить, – произнесла она, задыхаясь от слез.

– О... Боже! Ника! Что ты несешь?! Я всего лишь хочу, чтобы за моей дочерью присматривал кто-то, помимо тебя.

– Ты хочешь забрать у меня дочь? Я и сама могу о ней заботиться! Мне не нужны эти чертовы сиделки-надсмотрщицы!

– Няня! Нашей дочери нужен дополнительный уход и внимание, потому что ты пишешь свои никчемные картинки вместо того, чтобы смотреть за малышкой! Я делаю это ради твоего же блага и блага нашей дочери, пока ты ее не убила!

Но было поздно что-то объяснять, жена уже начала рыдать. Вероника подскочила из-за стола так, что стул, на котором она сидела, перевернулся. Она перепрыгнула через него и побежала в спальню. Там она распахнула шкаф и начала доставать с полок свои вещи и вываливала их на пол.

Ник вошел следом.

– Ника! Что ты делаешь?!

Потом она молча побежала в сторону кладовой и принесла чемодан. Ник спокойно наблюдал за ее истерикой. В другой комнате заплакала Лиза, и он пошел к ней. Когда девочка увидела папу, она заулыбалась. Ник взял ее на руки и начал укачивать. Уложив дочку в кроватку, пошел проведать жену. Войдя в комнату, он переступил через гору одежды. Вероника сидела на полу, опершись спиной о кровать, под глазами черными разводами высохла тушь. Ник сел рядом.

– Милая, давай ты приляжешь.

Он поднял ее на руки и уложил на кровать. Она тут же свернулась калачиком, подмяв под себя одеяло, и притихла. Ник забрался к ней и обнял.

– Ты обещал мне помочь с выставкой, – сказала она куда-то в одеяло. – Ты мне обещал.

– Завтра поищем помещение, хорошо?

– Мы больше не найдем такое хорошее помещение, – продолжила она говорить в одеяло, – как то, у моря. Как можно быть таким человеком, просто отдать его под магазин. Мы же договаривались.

– Ну он же прислал тебе букет с извинениями, – Ник перебирал пальцами ее волосы.

– «Простите, что не дождался вас!» – процитировала она. – Не знаю, как эти извинения смогут помочь мне и моим картинам.

– Ну да, – согласился муж, – неприятный поступок. Но мы что-нибудь найдем, не менее прекрасное. Ты была так занята в последнее время. Ребенок, твой новый статус матери. Тебе тяжело, милая, я все понимаю. Мы с этим справимся, – Ник поглаживал ее волосы.

Веронику это успокаивало и усыпляло. Она так переживала из-за неудавшейся попытки открытия галереи, что впала в депрессию. Ведь она уже как наяву видела себя посреди белого светящегося пространства, в котором присутствует только море – море на стенах, море за окном. А вместо этого ее картины пылились в мастерской, ребенок постоянно кричал, Ника не было дома. Этот стресс ее убивал, ей становилось все тяжелее контролировать себя, свои порывы. Ну почему ее мечтам так тяжело сбыться?

– Я пока была тут одна, обдумала твоё предложение насчет няни. И решила, что это будет очень хорошо, если у Лизы появится няня. Тогда я смогу больше времени уделять своему любимому делу.

– Хотелось бы мне, чтобы твоим любимым делом была забота о нашей дочери, – пробормотал он в ответ.

– Я забочусь о ней, Ник, – Вероника повернула к нему лицо. – Я каждый день с ней. А ты пропадаешь в клинике днями. Для меня большой стресс быть одной.

– Ты не одна, у тебя есть Лиза.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Лиза – младенец, и ей постоянно нужно внимание. Я отдавала так много времени дому, что меня перестали куда-либо звать друзья, – она отвернулась от него. – Наверное, они уже и не помнят, как я выгляжу.

– У меня сейчас очень важный этап. Я на пороге того, чтобы открыть наконец-то свой бизнес, – объяснял Ник.

– Я все понимаю, но и ты пойми: я не смогу просто так терять время. Из меня постоянно ищет выход энергия, я хочу общаться с миром, а не просто сидеть здесь. Быть матерью и женой – это прекрасно, но я хочу реализовать себя! Ты знал это с самого начала, еще до того, как на мне женился! – она уже начала повышать голос.

– Дорогая, говори чуть тише, Лиза спит.

В ответ Ника молча вздохнула.

– Наша дочь еще слишком мала, ей нужно твоё внимание, – не унимался Ник.

– Оно у нее есть. Это все, чем я занимаюсь последние шесть месяцев, – даю дочери внимание. Поищи завтра няню, пожалуйста. Мне нужен воздух для творчества, – она помедлила, – для меня.

Ник сжал губы, помолчал секунду и произнес:

– Конечно, милая, все как ты хочешь, – он снова начал перебирать ей волосы. – Все как хочешь ты, – и поцеловал ее в макушку.

Ник гладил ее волосы и напевал мелодию, которую сочинял на ходу. Он еще долго не мог уснуть той ночью.

Глава 7

2012

Ник ждал субботы, он был решительно настроен завоевать Аврору любым способом, ну, не совсем, конечно, любым. Он бы все-таки предпочел не закрывать ее в подвале. На цепи. Аврора была крепостью, как в детстве, когда он играл в солдатиков, и они бились с рыцарями, захватывая их крепость, продвигаясь по школьной линейке через ров. А после того, как крепость становилась собственностью пластиковых солдатиков, они могли творить все, что хотели. А фантазия у Ника как в детстве, так и сейчас была что надо.

Незаметно пролетели дни: среда, четверг. А вот пятница оказалась слишком долгой. На прием были записаны самые неприятные и дотошные клиенты. Ирма как будто специально собирала их всех вместе, чтобы проверить на прочность нервы Кауфмана. Но Ник старался относиться к таким пациентам снисходительно, он считал, что именно они держат в тонусе, учат терпению и хорошему сервису.

Хорошо, что хотя бы Вероника все эти дни была спокойна и не требовала внимания. Поскольку Рита помогала ему всю неделю, у Ника было достаточно времени заниматься собой. Ник не переставал радоваться тому, что в его жизни есть Рита Эбнер, хоть она периодически выводила его из себя. Эта женщина проживала свою жизнь тихо и спокойно: работала медсестрой, выпивала по вечерам, пока ее не бросил муж. Бедная женщина осталась одна – ни мужа, ни детей. Нику было ее немного жаль, возможно, поэтому он ее и терпел. Она была как непутевая мать, или сестра, или собака, которую жалко выгнать, и ты ей все прощаешь.

Еще нужно было подумать, как преподнести Веронике информацию о том, что Лиза будет заниматься балетом. Ведь у его супруги срабатывала интуиция каждый раз, когда он обращал внимание на какую-нибудь женщину. Так было и с физиотерапевтом в бассейне – Ник мысленно называл ее «инструктор по плаванию» – Анной Лева. Но эта Анна оказалась глупой девкой с невероятными амбициями. Она заявила, что Веронику нужно сдать в специальное учреждение. А Вероника, как и положено мудрым женщинам, будто ждала, когда Ник наконец-то увидит, что Анна Лева совершенно ему не подходит. Хорошо, что его интерес к Анне был не силен и не пришлось долго затягивать расставание с ней. Все решилось само собой буквально за день.

В те дни Вероника была очень тихой и просто выжидала. Она посещала все занятия и не сопротивлялась. Конечно, это было из-за страха остаться одной. Людей страх очень меняет, особенно когда нельзя драться или бежать. Приходится смириться и ждать. Тем более Вероника далеко не убежит. Ник усмехнулся.

– Ох, – вскрикнула пациентка.

– Извините, – Ник очнулся от своих размышлений. Он достал инструменты изо рта пациентки, о чем мгновенно пожалел.

– Вы что, уснули? – на него смотрели злые полупрозрачные глазки, близко расположенные на пухлом женском лице.

Есть такой сорт пациентов, которые вечно бывают чем-то недовольны. Мила Гринн был именно этим сортом, она постоянно названивала в клинику, как что случись. Складывалось впечатление, что она часами смотрит в зеркало с открытым ртом и выискивает причину, по которой можно было бы выйти из дома и попасть к дантисту на прием, желательно, к Нику Кауфману, и потрепать ему нервы.

– Простите, рука затекла, – соврал Ник и сам не понял, каким таким образом у него затекла рука.

Грузное тело пациентки колыхнулась в стоматологическом кресле, устраиваясь поудобней. На него зыркнули злые глаза, и рот под ними снова раскрылся, как бездонная воронка. Подбородок слился с шеей воедино, она стала похожа на гигантскую тихоходку – микроскопическое животное, способное выжить даже в космосе.

Время от времени Нику хотелось больше никогда не видеть этих людей и их ртов. Но менять что-то было уже поздно. Ведь это была его профессия, и больше он ничего не умел. И даже когда они в институте развлекались и задавали друг другу вопрос: «Если бы у тебя была возможность стать кем угодно в жизни, без ограничений, кем бы ты стал?» Все отвечали по-разному, и, конечно, не у многих профессия мечты была связана с медициной, хотя они уже были студентами медицинского. В основном их туда чуть ли не заставляли идти родители. Но Ник не мог ответить ничего, кроме как «дантистом», хотя в детстве он мечтал быть хирургом. Отец его убедил, что дантист – это отличная профессия, она дает возможность найти работу всегда и везде.

У Адлера Кауфмана не было, как говорят, предпринимательской жилки, и он не был способен создать свой бизнес, хотя и был прекрасным врачом. Он всю жизнь проработал в муниципальной больнице и лечил по страховке. Он доработался до главного врача, что было очень даже неплохо. Некоторые просто довольствуются тем, что есть.

Ник был рад, что у него были амбиции и была возможность их реализовывать. И каждый день он хвалил себя, приходя утром на работу и приходя с работы домой. Он чувствовал духовный подъем, осознавая свою важность и свой статус: врач, владелец бизнеса, отец семейства, мужчина, на которого может положиться больная супруга. А еще больше любил, когда его хвалили другие.

А вот когда приходили такие, как эта женщина, что сейчас раскрыла перед ним свой рот, и смотрели на него как на дерьмо – вот это его бесило. Тогда-то он и хотел бы выкинуть таких пациентов и никогда больше не пускать. Он даже фантазировал на эту тему, тихонечко усмехаясь под медицинской маской, представляя, как эта мадам своим грузным телом падает со второго этажа на асфальт. Наверняка она бы расплылась по асфальту, а потом снова собралась в одну кучу. Как зеленый слайм, игрушка, которая была у него в детстве: его можно было бросать куда угодно – в стену, об пол, – он всегда принимал свой начальный вид.

Стоило только Нику убрать инструменты изо рта мадам Гринн, как тут же из него посыпались слова:

- Что вас веселит, доктор Кауфман? – рот скривился с недовольным выражением.
- Вспомнил, как дочь стих рассказывала сегодня утром. Смешно слова путала.
- Пациентка с неодобрительным взглядом откинулась обратно на спинку кресла.

* * *

Наконец-то наступил вечер пятницы. Ник сидел на краю ванны, Вероника с закрытыми глазами нежилась в горячей воде.

– Милая.

Глаза ее открылись.

– Знаешь, я разговаривал с учителем Лизы, и она заявила, что наш ребенок слишком активный. Что ей нужны какие-то дополнительные занятия, где она может себя проявить.

Она перевела глаза на мужа.

– Я голову сломал, чем она может заняться. И придумал ей занятие, – он опустил губку в воду. – Вернее, оно как-то само появилось. По телеку видел – балет!

Ника медленно прикрыла тонкие веки.

– Представляешь нашу малышку в милой розовой пачке?

Жена растянула губы в стороны. Улыбка.

– Я рад, что ты одобряешь. Занятия проходят рядом с моей клиникой, будет удобно водить ее туда. Каждые вторник и субботу. Потом будем ходить на спектакли, – он мечтательно улыбнулся. – И обязательно записывать все на видео, а потом, когда она вырастет, будем показывать эти видео на ее дни рождения гостям и парням, которые будут за ней ухаживать.

Глаза смеялись.

– Окей, – прошептала она непослушными губами.

Ник поцеловал жену в макушку.

– Пора в постель, дорогая.

* * *

По субботам занятия в балетной школе начинались в четыре часа дня. Без четверти четыре Ник с дочерью уже прохаживались мимо театра. Он замер, когда увидел идущую с парковки Аврору.

– Смотри, Лиза, твой преподаватель.

Аврора сразу их заметила и направилась к ним.

– Учитель, учитель, – Лиза крутилась вокруг отца.

– Можно сказать, хореограф, – Аврора улыбнулась им и протянула руку Лизе. Девочка охотно за нее взялась. – Вы как раз вовремя.

– Не люблю опаздывать и дочь приучаю, что лучше быть не вовремя, а чуть пораньше.

– Вот и правильно, это очень хорошая привычка.

Аврора держала Лизу за руку.

– Приходите через час.

– Буду чуть раньше, – Ник махнул рукой удаляющейся парочке.

Ник, конечно, никуда не ушел. Он сел на скамью около входа и стал ждать. Через четверть часа он уже заходил в театр. Осторожными шажками, придерживая все двери на своем пути, чтобы не наделать шума, он прокрался к открытой двери танцевального зала. Играла веселая музыка. За фортепиано сидела пожилая женщина и по-ребячески была рада всему происходящему. Ее маленькое сморщенное личико расплылось в блаженной улыбке – этаким юный Бенджамин Баттон¹ в юбке. Она наигрывала веселую мелодию и приплясывала в такт, сидя на табуретке. Лиза в спортивном трико и с волосами, собранными на макушке, сосредоточенно ставила ноги в первую позицию. Ноги ее пока совсем не слушались. Но выглядела она очень серьезной. Белесые бровки нахмурены, губы сжаты.

Аврора со всей своей грацией подходила к ученикам которых было семеро – четыре девочки и три мальчика, – и помогала каждому, за каждым следила. Многие ученики уже хорошо контролировали свои движения. Лиза на их фоне немного терялась.

– Эй, мужчина! – раздалось у Ника за спиной. Он вздрогнул и обернулся на голос. На него вопросительно смотрел тот самый человек, что сидел у входа и рассказывал ему про школу.

– Вы за кем тут подсматриваете? – мужчина был настроен получить ответ.

– Я не подсматриваю. Я проверяю свою дочь, это ее первое занятие, – оправдывался Ник. Второй раз его застукали за подобным занятием – жаль, что людей нельзя безнаказанно бить.

– Если вы хотите посмотреть, нужно спрашивать разрешение преподавателя, – дед повысил голос.

Музыка в классе затихла. Ник обернулся: на него все молча смотрели, а Лиза приветственно махала ладошкой, обнажив свою улыбку с наполовину отсутствующими зубами.

– Простите, я не знал.

¹ Рассказ американского писателя Френсиса Скота Фицджеральда (1896—1940).

К ним подошла Аврора.

– Вы что так кричите? Вы детей пугаете.

– А что он тут стоит как маньяк?

– Проходите в класс, доктор Кауфман, – обратилась Аврора к Нику. – Я понимаю, первое занятие, и вам безумно любопытно, как справляется ваша дочь, – она взяла его за рукав пиджака и потянула в класс. – Можете посидеть пять минут. Лиза большая молодец.

Аврора вернулась к занятию. Снова заиграла веселая музыка, Лиза вышагивала еще старательнее под счастливым взглядом отца.

Когда урок закончился, Ник уже был на улице и ждал Лизу с остальными родителями. Аврора не дала ему надолго остаться в классе, чтобы не смущать других детей. Он был и не против постоять на улице, в классе ему очень быстро стало жарко. Аврора вышла за руку с Лизой. Девочка увидела своего отца и подбежала к нему.

– Папа, мне понравилось! – воскликнула она. – Но я устала. Хочу домой.

– Я очень рад, что тебе понравилось. Может, выпьем кофе, Аврора? – вырвалось у него внезапно.

Аврора не ожидала такого предложения.

– Прошу прощения, но меня ждут, – она указала рукой в сторону парковки.

– Я просто подумал, было бы хорошо обсудить успехи Лизы.

– У нее отлично получается. Многие ребята уже давно ходят на занятия, но Лиза старается и быстро их нагонит.

– Я очень рад, – он знал, что выглядел в тот момент очень и очень глупо.

– Извините, я должна идти. Пока, Лиза, до вторника, – девушка развернулась и пошла в сторону стоянки.

Пока Лиза в течение часа старательно передвигала ножками у балетного станка, Ник запарковал свой автомобиль в той стороне, куда сейчас направлялась Аврора, надеясь проводить девушку до машины. В итоге просто шел следом.

На парковке рядом с красным седаном Авроры стоял мужчина. Он широко и красиво улыбался, глядя в их сторону. Сначала Ник не понял, что вызвало такую радость у незнакомца. Аврора ускорила шаг и подошла вплотную к этому парню. Ник торопился подойти к ним ближе в надежде хоть что-то услышать. Они говорили достаточно тихо, Ник слышал только голоса. Зато Лиза шла рядом и болтала без умолку. Он усадил дочь в детское кресло в автомобиле, не отрывая глаз от парочки. Ник слышал смех Авроры. Он готов был взорваться от ревности и разочарования. Он сел в машину, громко хлопнув дверью.

Мужчина открыл Авроре дверь, помогая сесть за руль, – как будто она сама не могла – и сел рядом. В окно машины со стороны пассажирского места резко постучали, громко и настойчиво, словно хотели испугать.

Ник, широко улыбаясь, просунул руку в опустившееся окно.

– Простите, что вас отвлекаю, – начал он. – Я Ник, отец одной из учениц и заодно прекрасный дантист. Реклама.

Мужчина поздоровался с ним за руку.

– Я Маркус, давний друг Авроры, – он пожал руку Ника крепкой сухой ладонью. На Ника нахально смотрели яркие голубые глаза. Мужчина был красив и молод.

«Друг Авроры». Ника чуть не вывернуло наизнанку от этих слов.

– Я хотел спросить, – продолжил Ник, запинаясь, – по поводу костюма... В смысле, этот костюм, что на Лизе, он подходит или надо что-то другое?

– Вполне подходит.

Девушка, улыбаясь, завела двигатель, а Ник так и стоял, молча пялясь на парочку – какие же они оба мерзкие.

– Хорошо, буду знать, – выдавил он из себя.

Пятясь назад, Ник отошел от машины и, спотыкаясь, ушел. Чего он хотел добиться этим? Всю дорогу домой Ник упрекал себя за слабость, что побежал за Авророй и, как обиженная собачонка, облаял напоследок.

Придя домой, Ник заперся в ванной, достал с самой высокой полки початую бутылку виски. Понял, что не взял с собой стакан, и приложился к горлышку. Сделав большой глоток, он выдохнул. Постоял некоторое время и сделал еще один. Аврора – не Анна, он не может распрощаться с ней так же быстро, как это было с предыдущей пассией. Ник не успокоился, пока не выпил всю бутылку. Часы показывали всего девять вечера, а Ник был уже хорошо пьян.

Непослушной рукой и не с первого раза он открыл дверь ванной и направился в комнату Вероники. У ее кровати сидела Рита с книгой в руках. По тому, как он размашисто оперся о косяк двери, Рита сразу поняла, что Ник пьян. На полу у кровати матери сидела Лиза, разложив свои головоломки, и даже не посмотрела в сторону отца. Рита оторвалась от книги в мягкой обложке, которую им обеим читала, и встала.

– Раз уж Ник дома, я пойду.

– Пока, Рита! – воскликнула девочка.

Вероника едва подняла руку.

– Вы меня проводите? – спросила женщина.

– Конечно, Рита, – язык Ника заплетался.

Спустившись на первый этаж, Ник попытался помочь ей надеть плащ, не понимая, зачем он ей в такую теплую погоду. Рита его остановила, мягко взяв за запястье.

– Плохие новости, Ник, – начала она. – Жаль, что ты находишься в таком состоянии.

– А что? Тебе можно, а мне нет? – он снова оперся рукой о стену и, пошатываясь, скрестил ноги.

Рита многозначительно посмотрела на него.

– Буквально пару часов назад я прочитала новости в газете. Ты еще не видел?

Ник нахмурился.

– Нет.

– Ну вот и почитай, газета лежит на столе, – женщина развернулась и ушла.

Начался дождь. С улицы потянуло запахом мокрой земли. Ник подошел к кухонному столу. Газета была неаккуратно сложена. Он начал в ней копать, шурша страницами, к нему подошла Лиза.

– Пап, мы будем ужинать?

Ник не отвечал, он сосредоточенно с пьяным напором искал статью. Кто-то перепутал все страницы этой чертовой газеты. Вот оно!

«ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК!»

Пропала женщина, Анна Лева, она работала физиотерапевтом в Больнице имени Айзека Штельмана. Последний раз ее видели две недели назад, 24 апреля, когда она покидала учреждение, в котором работала. Автомобиль пропавшей находится возле ее дома. Следов борьбы нет. Телефон не найден. Ее приметы...»

Дальше Ник читать не стал.

Глава 8

2005

– Вероника, у меня хорошие новости! – воскликнул Ник, как только вошел в дом. Кинув пиджак в прихожей, он замер не пороге кухни.

– У меня тоже, – услышал он в ответ голос жены, – и даже две.

За столом сидела его жена в компании очень милой брюнетки с его дочерью на руках.

– Это Анжелика Маас, – представила она девушку, – и она будет няней нашей Лизе. А у тебя какие новости?

Ник постоял несколько секунд, осознавая сказанное супругой. На него, ожидая ответа, смотрели большие карие глаза Анжелики. Лиза тянула ее за густые темные волосы пухлыми ручками и весело агукала.

– Быстро ты нашла помощницу. И недели не прошло, – Ник еле подобрал правильные слова. – Рад познакомиться, Анжелика.

Он протянул ей руку. Девушка в ответ мило улыбнулась.

– Мне тоже очень приятно наконец-то с вами познакомиться, доктор Кауфман.

Голос у нее был бархатный и успокаивающий – Нику он понравился, как и его обладательница.

Ник сел за стол рядом с женой.

– Когда приступаете?

– Как можно скорее, – ответила за нее Вероника, – у меня накопилась куча дел! Будешь кофе?

– Я сам, не вставай! – он подошел к Нике и поцеловал ее в макушку. – А я нашел помещение под свою личную приемную, прямо в центре города, недалеко от Театра, – он взялся за кофеварку.

– Поздравляю, милый! Как я говорила, – обратилась Вероника к госте, – мой муж замечательный дантист. А моя вторая новость... – обратилась она уже к Нику, – я нашла помещение под выставку!

Кофе Ника полился через край чашки на стол и сразу на пол.

– Милый, ты льешь мимо чашки, – совершенно спокойным голосом указала Вероника.

– О, точно, – он нервно усмехнулся. – А я-то и думаю, что ногам как-то горячо.

Ник сказал это с таким милым выражением лица, что после его слов все дружно рассмеялись.

На следующее утро Анжелика была у них дома в 8 утра. У нее очень хорошо складывалось общение с Лизой. Малышка с удовольствием ела и играла в компании с няней, от такого количества внимания девочка расцвела. У Вероники появилось больше свободного времени, и они втроем готовились к выставке. Каждый помогал по-своему.

В качестве помещения Вероника выбрала старый дом, которому было лет сто. Состоял он из четырех комнат на первом этаже и четырех на втором. Первый этаж был уже занят: в одной из комнат – танцевальная студия; в другой – швейная мастерская. Еще две занимала небольшая частная фирма, занимающаяся продажей антиквариата.

Вероника организовала свое пространство так, чтобы каждая комната была проходной. Можно часами ходить по кругу, не находя выхода, – шутила она. Света оказалось не так много, как ей хотелось бы, поэтому пришлось изменить концепцию выставки и оборудовать каждую картину отдельным освещением: где-то более теплое, где-то похолодней. Стены были разных

текстур и покрытий: рыжий кирпич, серая штукатурка и простые выбеленные стены. Вероника решила ничего не менять и просто обыграть разнообразие фактур – получались нескудные сочетания.

Наконец-то наступил тот день, когда она перевезла картины в будущую галерею. Ощущала она себя великолепно: ее дочь наслаждалась компанией няни, а Вероника наслаждалась уединением, которого так страстно желала. Чудесную пару – Анжелика и Лиза – всегда можно было проведать, просто выглянув в одно из восьми окон.

Вероника расставляла картины по комнатам, решая головоломку с размещением – что на чем будет выгодно смотреться. Она могла заниматься этим часами напролет, пока Анжелика ходила вокруг здания с Лизой в коляске.

Хлопнула входная дверь и в комнату вошел Ник. Было сразу видно, что он недоволен.

– Ты домой собираешься? – он с порога перешел в наступление.

– Мне нужно еще буквально полчаса, – его супруга порхала по залам как будто танцевала вальс. – Ты посмотри, как прекрасно все складывается! Ведь тут такое разнообразие фактур стен и вариантов света, это место даже лучше, чем первый вариант помещения. Помнишь то, у моря? – она была уже в другой комнате, и голос ее раздавался размытым в пустоте эхом. – Я от счастья не знаю, за что хвататься.

Она весело посмеялась. Ее залиvistый смех жутким эхом отозвался среди пустых комнат.

– Твоя дочь уже давно спит, а Анжелике нужно домой, – не унимался Ник. – Поэтому хватай сумочку и поехали, – крикнул он ей в пустоту.

Женщина ничего не ответила. Тогда он, гулко шагая, отправился на ее поиски. Ник нашел Веронику в одной из комнат, в ней был камин, украшенный натуральным мрамором. По договору аренды, разжигать его было нельзя, и Вероника меняла местами холсты над ним и отходила на несколько шагов, чтобы, окидывая взглядом полную композицию, убедиться, что она идеальна.

– Ты слышала меня?

– Ну так отпусти ее, – бросила жена через плечо, даже не оглянувшись на мужа.

– Вероника! – воскликнул Ник. – Первый час ночи!

– И что? – она резко обернулась. – Я что, не могу провести свободный вечер сама с собой?! – сорвалась она на крик.

Ник молча смотрел на нее несколько секунд. Отвернулся и вышел.

Придя домой около четырех утра, Вероника вошла в спальню – Ника там не было. Она обошла все комнаты и нашла его у дочери. Он, свернувшись в неудобной позе, спал на маленьком розовом диване.

За завтраком царило неуютное молчание, которое прервала Вероника:

– На выставку придет репортер и напишет статью для газеты.

Ник сосредоточенно молча жевал.

– Ты хочешь кого-то позвать на открытие? Я могу прислать тебе текст приглашения на имейл, – не унималась она.

– Конечно, милая.

Он встал, поцеловал ее в макушку и вышел из дома.

Сев в машину, он провел несколько минут в молчании, даже не запустив двигатель. Потом медленно выехал на дорогу, ведущую от дома, и надавил на газ. Светило веселое утреннее солнце. День обещал быть плодотворным. Сегодня наконец-то будет подписан договор аренды помещения под личную приемную доктора Кауфмана – его личную приемную. Он давно ждал этого и готовился, это было непросто. Хорошо, что сейчас Лиза под присмотром

няни, это очень облегчало его рабочие будни, когда не нужно волноваться о том, накормлена ли его дочь. Но состояние жены беспокоило Ника.

«Она становится одержимой своими мечтами, это может привести к последствиям, как для меня, так и для семьи, – рассуждал он. – Нужно ей чем-то помочь. Неужели она может бросить свою дочь ради какой-то прихоти быть художником? Ну разве это профессия? Вот к чему приводит необразованность и лень».

Метрах в пятнадцати от себя Ник заметил ежика, тот уверенно перебежал дорогу. Ник надавил на педаль газа. Быстро проскочив то место, он сбавил скорость и заглянул в зеркало заднего вида: на асфальте темнело тельце животного. Ник включил радио и открыл окно, ветер с запахом хвойного леса заполнил салон автомобиля.

Да, день определенно обещал быть замечательным.

* * *

Вечером Ник вернулся домой с бутылкой дорогого вина. Их семье было что праздновать. Через две недели Ник откроет свой личный врачебный кабинет. Даже не кабинет, а «Стоматологическую клинику доктора Н. Кауфмана». Он был рад, что и его мечта наконец-то осуществилась, чувствовал облегчение от того, что добился своей цели. Что еще раз доказывало, что он не похож на своего отца.

В доме была только Анжелика. Она сидела за кухонным столом в окружении книг. Она смущенно поздоровалась:

– Привет.

Ник остановился на пороге кухни.

– Добрый вечер, а где Ника?

– Она еще не вернулась из галереи.

Ник нахмурился.

– Ладно, – он прошел к столу и поставил бутылку, – составишь компанию? У меня сегодня праздник.

– Наверное, вам стоит дождаться Вероники.

Ник полез в шкаф за бокалами.

– Ой, да перестань, мы с ней еще успеем отпраздновать, – он достал один бокал, который поставил перед Анжеликой, и стакан для себя. – Поскольку вино я не пью, вся бутылочка твоя. Я предпочитаю виски.

Анжелика молча собирала учебники.

– Может, и ты предпочитаешь виски? Скажи, не стесняйся.

– Ох нет, спасибо. Виски для меня крепковат.

Анжелика села за стол рядом со стопкой учебников, сложив ладони друг на друга: как хорошая девочка.

Виски хранился в другом шкафу, Ник откупорил бутылку и вдохнул аромат.

– Прекрасно, шотландский односолодовый, – он разлил алкоголь по бокалам. – За успех! – произнес хозяин тост и сделал хороший глоток.

Анжелика тоже пригубила из своего бокала.

– Терпкое, – констатировала она.

– Противно терпкое или приятно терпкое?

– Скорее второе, – она отпила еще.

– Я никогда не спрашивал: на кого ты учишься, Анжелика Маас? – Ник сел напротив нее.

– Я будущий юрист.

– Очень полезная профессия, – он усмехнулся.

– Мой отец юрист.

– Ты тоже пошла по стопам отца. Я имею в виду, что и я следую по стопам отца, – уточнил он. – Как будто больше некуда идти, кроме как по проторенной дорожке.

– Сказал дантист во втором поколении юристу в третьем, – она улыбнулась и прикусила нижнюю губу. – Я всегда уважала отцовское дело, он помогает людям.

Он сделал большой глоток, помолчал, разглядывая отражающиеся от виски в его стакане огоньки.

– Дантист тоже помогает людям, в принципе, многие профессии основаны на помощи людям. Например, я не умею сам ремонтировать стиральную машину, и я прошу о помощи специалиста. Хотя было время, когда я хотел быть хирургом, но передумал, и, возможно, зря. Мне бы стоило подумать своей головой. – Он потряс пальцем в воздухе. – Сейчас бы жизни спасал. Ну или вставлял силикон в грудь на крайний случай, – он развел руками. – А чем не помощь?

Она улыбнулась.

– Я рад, что удалось тебя развеселить, ты такая серьезная все время.

– Впереди экзамен по уголовному кодексу, вот и волнуюсь.

– Если бы я мог что-то сделать для тебя в этом деле, то обязательно бы помог. Может, чем-то все-таки могу быть тебе полезен?

Он накрыл своей ладонью ее холодные пальцы и словно с намерением потянулся к ней всем телом. Анжелика немедленно отдернула руку и резко встала.

– Я, пожалуй, пойду.

Она схватила сумку с учебниками и пошла к выходу.

– Анжелика, – пытался он ее остановить, – это все лишь жест поддержки, а ты так резко реагируешь.

Видимо, его слова прозвучали неубедительно, и Анжелика была уже на пороге.

– Извините, я пойду. Уже довольно поздно, – она прижимала книги к полной груди.

– Хорошо, иди отдыхай, – он пошел за ней на крыльцо. – Завтра тебя ждать?

Она садилась в машину.

– Завтра суббота, у меня выходной, – бросила она слова через открытое окно маленькой машины.

– Чем займешься?

– Возможно, пройду по магазинам.

– Хорошая идея, спокойной ночи, – махнул он ей.

Когда девушка уехала, Ник сел на крыльце со стаканом в руке. Он поднял лицо к темно-синему небу и глубоко вдохнул. Его окружала сплошная тьма. «Кричи – не услышат», – с каким-то удовлетворением подумал он. Ночной воздух приятно пах чистотой и хвойным лесом, отовсюду были слышны сверчки. В жизни за городом есть свои преимущества.

Вдалеке Ник увидел, как среди темных деревьев блеснули фары. Он быстро вошел в дом и погасил везде свет. В темноте убрал бутылки, бокал из-под вина закинул в посудомойку и поднялся в спальню. Через несколько минут дверь на первом этаже тихо отворилась. Вероника постояла на пороге, прислушиваясь к звукам. Она заперла дверь и прошла по затихшему дому сразу в комнату Лизы. Проведав ребенка, Вероника заперлась в ванной.

Ник уснул под шум льющейся воды.

Идея Анжелики пройтись по магазинам действительно была отличная, и в субботу семья Кауфман отправилась на семейную вылазку. В городе было несколько торговых центров, но самый большой располагался одним из выходов сразу в городской парк с аттракционами и искусственным прудом в форме гигантского прямоугольного бассейна, в нем плавали утки и лебеди.

День был приятно теплым. Прогулявшись по магазинам, они устроились в кафе, некоторые столики которого стояли у самой воды и отделялись от нее перегородкой из разноцветных прутьев. Около пруда росло раскидистое дерево, покрывающее тенью практически все столики. Усевшись в тени, Кауфманы сделали заказ. Вероника рассказывала Лизе про уют, уютно примостившихся на специальных плавучих площадках.

Около входа в торговый центр Ник увидел Анжелику. Девушка, весело общаясь с подружками, шла за покупками.

– Милая, я сейчас приду, – произнес он, пытаясь не упустить Анжелику из виду.

– Куда ты? – провожая его взглядом, спросила Вероника.

– Буквально на пару минут отойду, – кинул он через плечо.

Вероника осталась за столиком в кафе, а Ник поспешил к Анжелике, она уже почти вошла в торговый центр.

Проведя глазами сверху вниз, до самых пят ее длинных ног, Ник отметил, какая ровная у нее кожа, словно из фарфора.

«Какая же она красивая», – поймал он себя на мысли. И приближаясь к ней трепетал от предвкушения встречи. Это ощущение его несколько не смутило.

– Анжелика, – окликнул он ее негромко, – здравствуй.

Девушка, услышав, что ее зовут, со светящимся от радости лицом обернулась на зов. Но увидев, кто ее зовет, она стала серьезной. Улыбка словно выключилась на ее лице.

– Здравствуйте, доктор Кауфман.

– Прошу, зови меня Ник. Я хочу обсудить вчерашний вечер, – он многозначительно взглянул на трех спутниц Анжелики. – Мы можем отойти?

– Конечно, – пожалала она плечами.

Медленной походкой Ник и Анжелика пошли в сторону пруда, ее подружки не сводили с них любопытных глаз.

– Ты меня неправильно поняла, – пройдя несколько метров, он остановился. Анжелика следовала за ним. – Вчерашний мой жест был абсолютно дружеским. Я не хочу, чтобы между нами были какие-то недопонимания.

– Конечно, – она нервным движением убрала волосы за ухо.

– Ты так прекрасно ладишь с Лизой, и Веронике ты очень помогаешь, мне бы не хотелось, чтобы что-то из этого изменилось, – он взял ее руки в свои. – Договорились?

– Не беспокойтесь, я просто нервничаю из-за экзамена, поэтому так отреагировала. Мне не стоило так срывать и убегать от вас, – она улыбнулась одними губами, ее глаза оставались совершенно серьезными и настороженными, она будто готовилась драться или бежать.

Ник взял ее за плечи.

– Не переживайте, юная леди, и готовьтесь к экзаменам. – Ник подбадривающе улыбнулся и слегка ее встряхнул. – Ну, а я побежал по своим делам.

– До свидания, Ник, – она смущенно улыбнулась и постаралась убрать его горячие ладони движением плеч, как змея, выползающая между камней.

Он убрал руки, видя, как она нервничает, и не без удовольствия заметил, что ему было приятно смотреть, как она смущается и инстинктивно извивается в его руках.

– Увидимся в понедельник, – махнул он ей рукой, оборачиваясь.

Вернувшись к семье, Ник заметил, что Вероника напряжена. Она с прямой спиной сидела за столом, перед ней стоял уже остывший кофе.

– Все в порядке, милая? – спросил он максимально радостным голосом, усаживаясь за столик.

– Да, – сухо ответила она, глядя в одну точку – в чашку с кофе, как будто она хотела что-то разглядеть в остывшей пене капучино.

Вероника помолчала еще несколько минут и, когда поняла, что Ник сам не начнет разговор, развернулась и достала баночку с детским пюре. Молчание продолжалось минут пятнадцать, пока она кормила девочку. Ник все ждал, когда же Вероника заговорит. Сам он выбрал манеру поведения, которая получалась у него лучше всего – быть непринужденным и нахально веселым, – и наблюдал, как изводит этим жену.

– А что такого вы обсуждали с Анжеликой? – наконец спросила Вероника. Эти слова были не последними, припасенными ею. Она как будто выплюнула всего лишь порцию яда, который накопила за двадцать минут. И это были самые культурные слова, остальные она собиралась сказать позже.

– Ничего особенного, милая, не переживай. – Ник растянул губы в ободряющей улыбке, сожалея о том, что не дотягивается, чтобы заботливо похлопать ее по плечу.

– Вот так ты и ей улыбался, когда держал ее за руки, – в голосе Вероники уже слышалось, что от ответа Ника зависит его физическое здоровье.

Ник тяжело вздохнул, давая понять, что он бережет свою супругу.

– Я на самом деле не хотел тебе говорить, – начал он медленно, не убирая усмешку с лица. – Но вчера Анжелика немного выпила и расслабилась и-и-и-и... – потянул он. – Как бы это помягче сказать... В общем, проявила ко мне женский интерес.

– Прости, что? – рука с детским пюре застыла в воздухе.

– Дело в том, что няня нашей дочери, похоже, влюбилась в меня.

Усмешка была неуместной и раздражающей. Вероника сунула последнюю ложку пюре Лизе в рот, та скривилась и просто все выплюнула. Вероника на автомате вытерла ребенку лицо. Все это она проделала, поджав губы, словно сдерживая плевок в сторону мужа.

– То есть ты хочешь сказать, что нам надо менять няню? – спросила она какими-то твердыми губами.

Ник облегченно выдохнул:

– Я только что с ней поговорил, все объяснил. Думаю, мы с ней друг друга поняли. Но если ты хочешь ее уволить, я могу ей сам все сообщить, и мы поищем другого человека.

– И что же ты ей сказал? – не унималась его жена.

– Я сказал, что люблю тебя и что в ее возрасте это нормально, когда нравится кто-то старше. Такие люди умнее, чем ее сверстники, и поэтому привлекательнее, – объяснял Ник.

Его улыбка уже начала бесить Веронику.

– Ясно, – отрезала она.

Вероника замолчала еще на несколько минут. В голове бегали мысли, как муравьи по бесконечным многоуровневым лестницам, перетаскивая все «за» и «против» на нужные полочки. Ник по ее глазам видел, как сложно ей давался этот выбор. Он уже мысленно потирал руки: все женщины одинаковые – просто ревнивые куклы, которые боятся остаться одни. В любом возрасте.

– Бедная девочка, – заговорила Вероника после долгого молчания. – Ей будет тяжело находиться рядом с тобой, – произнесла она задумчиво.

– Ты права, дорогая. Не стоит мучить это дитя, – он покачал головой.

– Но я не могу сейчас отказаться от ее услуг, – продолжила Вероника так же спокойно. – Ведь открытие выставки через полторы недели.

Ник уже не ухмылялся.

– Дорогая, подумай о нашей семье. А если это отразится на Лизе? – Ник пытался себя притормозить, чтобы его аргументы не были похожи на скороговорку, которая паровозом из непонятных звуков пронесется через мозг его жены, не заронив ни зерна сомнения. – Это нужно прервать немедленно. Ты быстро найдешь ей замену, я уверен. – Ник сжал руку Вероники, да потеснее. Чтобы и на тактильном уровне его слова оставили у нее неприятный оса-

док. – Я думаю только о нашей семье. И я так не хочу, чтобы ты нервничала перед открытием выставки. Ведь она так для тебя важна.

Вероника, опомнившись, отпила остывший кофе. Ее лицо расправилось, она уже сделала свой выбор.

– Нет, милый, я не могу так рисковать. Сейчас мне дорого мое свободное время как никогда. – Она начала собираться. – И тем более, когда знаешь, в чем проблема, легче ее контролировать, верно? Ты же сможешь контролировать эту ситуацию? Себя?

Она не стала ждать ответа. Ее вопрос ответа не требовал. Все уже было решено за него. Ник поджал губы, глядя, как его жена встает и снимает коляску с тормозов.

– Пойдем, я еще должна успеть ответить на письмо репортера, которого пригласила на открытие. Он напишет анонс мероприятия в газете, и о нем узнает весь город.

Ник нехотя махнул официанту, давая понять, что они закончили.

Глава 9

2012

На утро понедельника у четы Кауфман была назначена встреча. Ради нее Ник одел Веронику в комплект «на выход»: темно-серый брючный костюм, голубая блузка и лакированные туфли, естественно, без каблука. Сам он надел свой повседневный костюм, в котором пойдет потом на работу. Еще не хватало наряжаться для встречи с детективом, расследующим исчезновение Анны Лева.

Ровно в девять утра они уже сидели в кабинете. Ничего примечательного: просто стол, перед ним два стула для посетителей (один из них был отодвинут в сторону, уступая место коляске Вероники), полка с папками и бумагами. На бежевых стенах какие-то почетные грамоты. Ник не стал их разглядывать, все, чего он хотел сейчас, – чтобы это скорее закончилось.

В кабинете, кроме них, никого не было: на стене тикали часы, супруги напряженно молчали. Вероника теребила носовой платок слабой рукой. В свете люминесцентных ламп она казалась очень старой. Старой и серой. Она сливалась с костюмом, что на нее одел муж. Ник пообещал себе, что больше никаких вещей в серых тонах для Вероники даже не купит, а этот костюм непременно выбросит.

Его отвлеченные размышления прервала резко распахнувшаяся дверь. В кабинет вошел Давид Вальяк. Высокий, статный мужчина, возрастом чуть старше самого Ника. Он поздоровался с ним рукопожатием и сел. Кинув на стол папку с бумагами, он поправил галстук и громким уверенным голосом начал:

– Как долго вы были знакомы с Анной Лева?

– Мы с Вероникой посещали занятия Анны как физиотерапевта. Несколько лет назад с моей супругой случилось несчастье – ишемический инсульт, – в результате которого она потеряла способность самостоятельно передвигаться. – Ник положил руку на руку Вероники. – Поэтому мы и обратились к Анне, вернее, не к Анне, а в клинику, в которой она работала.

– Так как давно? – глаза детектива сверлили Ника, который не любил такой взгляд – уверенный и всезнающий.

– Мы познакомились с ней пару месяцев назад в бассейне.

Давид молчал несколько секунд, пристально глядя на собеседников.

– Почему вы прекратили занятия?

– Дело в том, – Ник бросил взгляд на Веронику, она казалась безучастной, – что прогресса мы не видели и решили прекратить занятия.

– То есть вы хотели увидеть прогресс всего за четыре посещения?

Ник поерзал на стуле.

– А почему нет?

– Как я знаю, люди в таком состоянии, как ваша супруга, годами добиваются результата.

Давид помедлил в ожидании реакции, но Ник молчал. Когда детектив понял, что собеседник не желает продолжить, он открыл папку.

– Почему нас сюда позвали? – спросил Ник, пытаясь разглядеть то, что было в серой папочке в руках у детектива.

– Ваше последнее посещение занятий Анны было за три дня до ее очень подозрительного исчезновения.

– Мы тут ни при чем, – возразил Ник.

– Мы просто собираем информацию, чтобы иметь полную картину. Вы вообще слышали что-то об этом? О том, что она исчезла?

– Нет, – ответил Ник, ему уже не терпелось уйти. – О том, что она куда-то исчезла, я узнал из газет.

– Может, она вела себя как-то подозрительно? Или говорила, что куда-то уезжает?

– Нет.

– А какими были ваши с ней отношения?

– Какой-то странный вопрос, – Ник неосознанно взглянул на Веронику. – Какие могут быть отношения с физиотерапевтом? – он снова поерзал на стуле.

Вероника не переставала теревить платок.

– Хорошо. Как складывалось ваше с ней общение?

– Никак, я просто привозил свою супругу на занятие в бассейн и ждал, пока оно окончится.

– Хм, – Давид глянул в папку, – тогда вопросов больше нет.

* * *

Вечером, принимая ванну, Вероника была напряжена, между бровей появилась глубокая складка. Они оба были задумчивы, Ник старался долго не задерживать взгляд на жене. Он достал ее из воды, укутал в большой пушистый халат и унес в спальню. Положив ее на кровать, Ник сел рядом.

– Не смотри на меня так.

– Как?

Голос Вероники заставил его вздрогнуть. Слабый, скрипучий. Губы ее едва двигались, она растянула их в некрасивой однобокой улыбке.

– Ты же знаешь, я не способен на зло.

– Н-наю, – она напрягалась всем телом, – я се н-наю.

Ник молчал в ответ. Он просто смотрел на нее и часто моргал, как будто внезапно проснулся и все еще не понимал, что вокруг него происходит. Вероника устало закрыла глаза.

Эти три слова, что она произнесла, были большим прогрессом за все предыдущие годы. А прогресс в выздоровлении – это меньшее, что хотел Ник получить от Вероники. Его пока устраивало ее положение. Ведь его статус рядом с женой-инвалидом был более выгодным.

«А если все это игра? Может, она просто издевается?» – подумал он. Ник открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

А может, Ник просто боялся говорить с ней.

Или он боялся, что она может ответить...

* * *

– Выходи, – Ник открыл дверь машины.

– Нет, – Лиза, насупившись, сложила руки на груди, отказываясь идти в танцевальную школу.

– Мы опаздываем, Лиза. Надо идти, – он достал ее из детского кресла и поставил на ноги. – Давай, принцесса, пора поработать.

Он взял девочку за руку и направился в школу. На пороге их встретила женщина лет тридцати.

– Здравствуйте, я Анна.

Нутро Ника сжалось от неожиданности, он за секунду почувствовал разочарование на каком-то физическом уровне, его даже начало мутить.

– А где Аврора? – он заглянул через плечо женщины.

– К сожалению, ее сегодня не будет. Она себя плохо чувствует.

– Как жаль. А что с ней?

– Не могу вам сказать, – Анна улыбнулась. – Но она дома, отдыхает.

Женщина взяла Лизу за руку и завела в класс.

– Приходите позже.

– Я бы хотел послать ей цветы, вы знаете адрес Авроры?

Анна пристально на него посмотрела.

– Знаю, но вам не скажу.

Она развернулась и зашла в класс, явно давая понять, что дальнейшего диалога не будет.

И тут его осенило: адрес Авроры должен быть в ее медицинской карте. За час, что длилось занятие, Ник успевал дойти до клиники и вернуться.

Было начало седьмого вечера, администратор уже ушел. Ник сел за компьютер и понял, что не помнит фамилию Авроры. Решил искать по датам посещения. Сделав несложные подсчеты в голове, он ввел дату. Но в выпавшем списке никакой Авроры не значилось. Тогда он просто забил в поисковой строке «Аврора». На компьютере появилась окошко «Ничего не найдено».

Через час он ждал дочь около студии. Настроения у него не было никакого. Лиза вышла довольная и уставшая, она лепетала что-то про занятие и про хореографа – по всей видимости, Анна понравилась Лизе больше.

Ник не спал всю ночь, ворочался. То ему было жарко, то холодно. Выпитый на ночь виски плескался в желудке с каждым его движением, в итоге Ника начало тошнить. Он сел на кровати, испытывая мерзкий коктейль из ощущений: желание спать смешалось с невозможностью уснуть; от виски его тошнило, но он выпил бы еще. И плюс ко всему начала болеть голова.

Утром он меньше всего хотел видеть Веронику. Чтобы эта обманщица опять пялилась на него своим взглядом в стиле «я все знаю». Что она знает? Что она вообще может знать? Она всю жизнь заботилась только о себе.

Ник услышал голос из ее комнаты. Время было уже выходить из дома, но он медленно подошел к двери. Вероника лежала на боку и стонала. Ник подошел к ней ближе. Интересным показалось то, что еще вчера она могла говорить, а сегодня просто показала жестом, что обмочилась. Ник не шевельнулся, он молча смотрел на нее сверху вниз с презрением и отвращением. Через несколько секунд он развернулся и вышел за дверь.

На работе его ждала Мила Гринн. Большая женщина уже ютилась в его врачебном кресле, которое казалось маленькой синей лавочкой под ее грузным телом. Пациентка тут же начала жаловаться и тыкать Нику в лицо рентгеновским снимком своего зуба, который Ник уже лечил.

Доктор закатил глаза – когда же Ирма уже начнет его предупреждать о приходе таких пациентов, к которым нужно морально готовиться! Он был и так зол, еще и с похмелья мутило.

– Посмотрите, доктор Кауфман, вам не кажется, что опять нужна пломба? – она растянула рот.

Ник быстро осмотрел пациентку.

– Пломбу ставить уже поздно, – сообщил он холодным тоном. – Придется удалить.

Ее лицо вмиг осунулось, будто все мышцы одновременно расслабились. Ник отвернулся от женщины, полез в выдвижной ящик, в котором лежали инструменты, и стал демонстративно их перебирать. Он старался не выдать улыбки, которую вызвала реакция пациентки. Хоть что-то подняло ему настроение.

– Как удалять? – медленно переспросила миссис Гринн.

– Зуб внутри совсем разрушен. Его, к сожалению, уже не восстановить. Давайте начнем с анестезии. Я предлагаю местную, чтобы мы могли общаться.

Ник тут же достал шприц и наполнил его жидкостью.

– Доктор, мне не все лекарства подходят, – волнуясь, напомнила пациентка.

Он сжал ее толстую руку чуть выше локтя.

– Не волнуйтесь, я знаю про своих пациентов все и помню, какой препарат нужен именно вам, – он растянул рот в блаженной улыбке.

– А может, все-таки удастся спасти? – заныла она.

– Нет, к сожалению. Я как врач часто с таким сталкивался. Потом одни проблемы с этим зубом будут. Откройте рот.

Женщина повиновалась. Ник направил ей в лицо свет лампы и сделал укол.

– Ждем пять минут и приступим.

Пока они ждали, Ник приготовил инструменты. Женщина смотрела на него испуганным взглядом. Доктор был сегодня такой решительный и уверенный, что не повиноваться казалось неправильным. Доктор точно знает, что делает.

– Приступим, – коротко бросил он.

Пациентка открыла рот, лампа светила ей в глаза, и женщина зажмурилась. Как только Ник потянул зуб, она тут же потянулась вслед за щипцами, которые соскользнули с зуба и с щелчком захлопнулись.

Из горла женщины вырвался крик. Она замахала руками, и Ник достал щипцы из ее рта, сожалея о том, что дает ей возможность высказаться.

– А! Доктор! Больно!

– Хм, странно, – он нахмурил брови. – Давайте еще один укол обезболивающего.

– Да, доктор, давайте.

После второго укола ей все равно было больно, но уже не так – объяснила миссис Гринн.

– Это прекрасно, – прокомментировал Ник.

Доктор взялся за щипцы для удаления зубов и потянул снова. Услышав хруст, он почувствовал, что его настроение начало подниматься. Женщина впилась ногтями в его локоть и закричала. Щипцы снова соскочили, и Мила успела зажать руками рот.

– Ну что опять? – недовольно спросил он.

– Но я все чувствую, доктор! – пробурчала она сквозь свои толстые пальцы. Глаза пациентки уже слезились. Она убрала руки от лица и попыталась встать.

Ник прижал щипцы к ее губам, разжимая челюсти и усаживая ее обратно в кресло.

– Откройте рот, – сказал он тихо, глядя ей в глаза. Потом положил свою ладонь ей на лоб и просунул инструмент в рот. – Шире! – скомандовал Ник совершенно спокойным голосом.

Женщина повиновалась и открыла рот, из десны уже начала сочиться кровь. Ник дернул зуб со всей силой и злостью, что в нем скопилось за эти дни. Женщина взвыла, зарыдала. Ник держал зуб в щипцах, от него растянулась струнка кровавой слюны. Во рту у миссис Гринн растекалась густая красная жижа. Ник зажал рану тампоном.

– Сожмите челюсти.

Она послушно зажала тампон во рту, из которого сочилась кровь и слюны.

– Скоро перестанет болеть, – Ник слегка похлопал по щеке пациентки, оставив кровавые отпечатки. Они быстро смешались со слезами, катившимися из ее больших испуганных глаз.

Глава 10

2005

Ник оставил машину на парковке возле галереи. Внутри его ждала Вероника. Она позвонила уже три раза, с вопросом, где он. Хотя сама послала его домой за забытой папкой с бумагами, будь она неладна.

Он вбежал на второй этаж. За время его отсутствия посетителей прибавилось. Ник нашел свою жену стоящей в центре зала. Она впитывала внимание порами. Она его вдыхала. Люди подходили к ней, здоровались, задавали вопросы. Ник не мог не согласиться, что в тот момент Вероника выглядела шикарно. Она за время подготовки к выставке сбросила несколько килограммов, и темно-синее платье демонстрировало эти изменения. Собранные в пучок волосы подчеркивали высокие скулы.

«Как часто мы перестаем замечать, насколько прекрасны женщины, находящиеся рядом», – задумался он на секунду. Из забытья его вывел грубый толчок в бок.

– Ник! Дружище! – вопил стоящий рядом мужик так, что все обернулись. Вероника нахмурилась в ответ на эту выходку.

Хассан Хан, старый знакомый, чья жена открыла уже целую сеть магазинов, продающих органические овощи и фрукты. А сам он уже больше десяти лет просиживал штаны в риэлторской конторе. Он распахнул руки для объятий.

– Вот это да! – воскликнул он. – Твоя жена теперь художник, галерист. Кто бы знал! – Хассан казался счастливее Вероники. – Ты-то как? Доволен?

– Да, я очень рад за нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.